

АРОН РОДОВИЧ

ЭПИТАФНЫЙ КОНТУР

Том 1. Падение Геспера

Арон Родович
Эпитафный контур.
Том 1. Падение Геспера

<https://litres.ru/73856573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космос и все, что находится в нем - мой мир. Я не имел права выбора при рождении, не имею сейчас и не должен иметь в будущем. Моя судьба предопределена. Я просто часть системы. Меня учили терпеть. Учили молчать. И я молчал так долго, что забыл, каким может быть мой голос. Но в один момент у меня просто не осталось выбора. Я услышал себя, и это стало началом всего

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	75
Глава 8	85
Глава 9	93
Глава 10	104
Глава 11	117
Глава 12	128
Глава 13	141
Глава 14	157
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Эпитафный контур. Том 1. Падение Геспера

Глава

Название: Эпитафный контур. Том 1. Падение Геспера.

Автор(-ы): Арон Родович

Глава 1

Я был рабом, сколько я себя помню.

Хозяина я почти не видел. Его никто из рабов не видел, или видели, но не помнят. Нас приобретали еще в младенчестве. Покупали — вещи, предметы, статус. Но нас именно приобретали.

Почему это называли таким словом, я так и не понял. Слишком красиво для торговли детьми. Хотя детьми мы были только по возрасту, по факту же — рабы, так что игрушек, ласки и, что там еще есть у детей, мы не знали. Все, что у нас было, — это работа, работа, хотя снова нет... за работу платят...

Хозяин был человеком с двумя кораблями и долями в десятке предприятий, и я был одной из его мелких статей расхода. Он покупал рабов оптом и не занимался нами лично. У него были управляющие, у управляющих — свои учёты, и раб в этих учётах не имел имени, только номер и список навыков. Меня перекидывали туда, где в данный момент кому-то из его партнёров нужны были руки. На неделю, на месяц, на полгода. Я успел поработать в стольких местах, что к восемнадцати годам знал этот мир лучше, чем знают его те, кто ездит по нему с документами.

Знать миры изнутри — отличный навык. И, естественно, я им воспользовался.

Я не помню, как меня купили. Мне говорили, что мне было около года, и что я был из какой-то партии, которую привезли с окраинной колонии, где не справлялись с долгами за воду. Родителей я не помню и не знаю, были ли они у меня в том смысле, в каком бывают у обычных людей. Первое, что я помню, — большое помещение, где было много таких же маленьких, как я, и женщина с усталым лицом, которая нас кормила. Не мать. Просто та, кому за нами поручили смотреть. Её не было в следующем моём воспоминании, была другая, и я понял довольно рано, что люди, которые смотрят за тобой, меняются, и привыкать к ним нельзя.

Лет с четырёх нас начинали использовать. Маленькое тело — маленькая польза, но и она годилась. Нас сажали отбирать мусор на сортировочных линиях, где взрослому было неудобно нагибаться. Заставляли таскать мелкие детали на сборке, носить воду, убирать в тех местах, куда взрослого посылать было дорого.

Именно тогда я понял одну простую вещь, которую потом не забывал ни разу. Я не был человеком. Я был предметом, который умеет ходить.

Я научился не обижаться.

Лет с семи началась настоящая работа. Нас распределяли по местам, где требовалась рабочая сила на долгий срок. У управляющих были списки, в списках — возраст, рост, вес, физические способности, и по этим спискам нас рассортировывали. Я оказался жилистый и выносливый, такими запол-

няли тяжёлые производства. Что-то во мне, видимо, терпело лучше, чем у других, потому что меня никогда не сбрасывали на лёгкие места. Меня кидали туда, где было хуже всего.

Первое такое место я помню плохо. Это была какая-то перевалка грузов на малой орбитальной станции, я таскал ящики до середины смены и засыпал стоя после. Там я пробыл недолго, несколько месяцев. Потом меня перевезли на корабле-перевозчике в другой сектор.

Корабли-перевозчики я помню лучше. Нас грузили в трюмы. Не как рабов на тех кораблях, которые возят рабов на продажу, — тех держат в цепях, как скот. Мы были рабочая сила, перегоняемая с одного объекта на другой, и с нами обходились чуть мягче. Нас просто запирали в отсеке, кормили раз в сутки и оставляли спать на полу. Трюмы были разные. В одном было холодно, и мы лежали кучей, чтобы греть друг друга. В другом пахло какой-то химией, от которой у меня выступала сыпь на шее. В третьем я впервые увидел кого-то, кто умер в пути. Мальчика лет девяти, тощего, его нашли утром, и никто не знал, от чего именно он умер — то ли от болезни, то ли просто не выдержал.

На перевозках я узнал одно правило, которое потом спасало меня много раз. Никогда не привязывайся. Ни к людям, ни к месту, ни к привычке. Всё, к чему ты привык, у тебя отнимут через неделю, или через месяц, или через полгода. Будешь привязан — будет больно каждый раз. Не будешь — просто перейдёшь в следующее место, как переходит в но-

вую ячейку номер в списке.

Было несколько особенно запоминающих мест. В них я просуществовал дольше, чем в остальных. Именно поэтому они оставили в моей памяти максимально яркие воспоминания.

Шахты.

Меня отправили туда, когда мне было около тринадцати. Астероид в поясе, у которого даже номера не было, только буква и цифра в корпоративной картотеке. Там добывали руду, в которой был какой-то редкий металл, нужный для чего-то важного, — мне не говорили, а я и не спрашивал. У раба нет права на вопросы. Над рабочей площадкой стоял купол. Большой, низкий, из серого пластика на металлических рёбрах, накрытый поверх жёсткого реголита. Под куполом держали давление и подавали воздух, чтобы можно было работать без скафандров — скафандры стоили дорого, а мы стоили дёшево, и хозяевам было выгоднее накрыть нас всех общей крышей, чем одевать каждого в отдельную. Воздух под куполом был плохой. Его прокачивали через те же фильтры, что и в жилых модулях, и фильтры не справлялись.

Шахты шли внутрь астероида как ходы в гнилом яблоке. Широкие у входа, узкие к концу, в самой глубине — лаз, в который взрослый человек протискивался боком. Туда посылали детей и подростков. Нас было много. Нас было не жалко.

Буровые машины шли первыми, вгрызались в породу, раз-

ламывали её на куски, выбирали жилу руды, шли по ней, пока жила была толстой. Но руда в астероиде лежит не ровным слоем. Она уходит вглубь прожилками, узкими рукавами, которые разветвляются, сужаются, становятся всё тоньше.

Там, где жила становилась узкой, машина вставала. Ей не хватало места, и расширять под неё лаз было бессмысленно — вся окрестная порода была пустая, её пришлось бы дробить и вывозить десятками тонн ради нескольких килограммов металла. Невыгодно. Дешевле послать туда двоих подростков.

Мы туда и шли. С молотками, с зубилами, с маленькими ручными бурами, которые работали от переносной батареи. Лежали на боку в узком рукаве, долбили породу в полуметре от лица, дышали собственной пылью, собирали осколки в мешок, выползали назад, тащили мешок к подъёмнику. Возвращались. И снова туда же. Рукав шёл глубже, мы шли за ним, и с каждым метром лаз становился уже, и с каждым метром было труднее развернуться обратно. Машина стоила денег. Мы — нет.

Потом мы чистили буровые головки, они забивались пылью, и если их не чистить, они перегревались и ломались, а ломать дорогое оборудование верный билет на свидание со смертью. Ломалось оборудование — умирал раб. Все просто. Отличное правило, вгрызшееся внутрь моего мозга на всю жизнь. Чистили руками в перчатках, которые быстро рва-

лись, мы выковыривали из головок спёкшуюся массу из пыли, масла и каменной крошки. Это масса была горячей, и она воняла. Это был первый запах, который я научился не замечать. Потом научился не замечать другие. Все остальное, к нему можно было привыкнуть — тьма или яркий свет, тишина или шумы, холод или жара, но вот запах... от него выворачивало наизнанку, и он оставался с тобой навсегда.

Пыль от породы была самой опасной. Тонкая, как мука, и серая, она висела в воздухе под куполом постоянным облаком. Лучи прожекторов в ней становились видимыми — ты шёл по шахте, и впереди тебя дрожал серый столб света, в котором плавали частицы. У нас были респираторные маски, но плохие, дешёвые. Резина на них рассыхалась, прилегание к лицу было неплотное, и пыль заходила под край у подбородка, у переносицы, у щёк. Фильтры никто не менял вовремя — запасных не хватало, их выдавали по норме, и норма была меньше, чем надо. Старшие рабы, те, кому было за двадцать, ходили с чёрными губами и с кашлем, который не проходил. Я понимал, что со мной будет то же, если я проживу столько. Я не был уверен, что проживу.

Мы чистили фильтры вручную. Снимали их после смены, стучали ими об край бака, выбивали пыль, промывали в воде, в которой пыль уже плавала тонкой плёнкой сверху. Потом эти же фильтры ставили в другие маски и отдавали новой смене. Пыль, которую я выбивал в восемь утра, к обеду была уже в лёгких у другого. Мы все это знали и не говорили

об этом.

Со мной в шахте работал Тихий. Он был на год старше меня, на полголовы ниже, и он почти не говорил. Разучился. Его привезли сюда раньше, и когда я прибыл, он уже не помнил, когда разговаривал последний раз с кем-то, кто ему отвечал. Мы работали бок о бок, чистили одни и те же головки, таскали одни и те же контейнеры. Он показал мне, как держать щётку, чтобы не срывало кожу с ладони. Показал, как дышать через нос, чтобы пыль оседала в носу, а не в лёгких. Показал, где в жилом отсеке можно сесть так, чтобы тебя не видела камера. Он ничего не говорил при этом. Просто делал, и я смотрел и повторял. Это было всё, что он мне дал, и это было немало.

Однажды его забрали. Ночью, как всегда делали. Пришли двое с фонарями, посмотрели в список, указали на него, он встал и пошёл. Он даже не оглянулся. Я думаю, он знал, что его переводят, а не убивают, — иначе он оглянулся бы. Может быть.

Еда была раз в смену, через восемь часов. Миска каши, кусок хлеба, иногда белковая паста, которая была не едой, а чем-то техническим. Воду давали по норме, и нормы не хватало, так что мы пили из тех же баков, в которых отмачивали фильтры. Знали, что нельзя. Пили.

Туалет был в конце жилого отсека. Одна дыра на сорок человек. Когда она засорялась, её чистили те, кто в этот день чем-то провинился. Я чистил её дважды. Первый раз — по-

тому что уронил контейнер с рудой и половина просыпалась на пол, и управляющему это не понравилось. Второй раз — потому что смотрел на него дольше, чем положено. С тех пор я на них вообще долго не смотрел.

Я пробыл там полтора года. Потом меня перевели.

Второе место было орбитальная скотобойня.

На одной из внутренних колоний кто-то решил, что выращивать скот в пониженной тяжести дешевле, чем на поверхности. Построили несколько крупных станций — цилиндры, которые вращались, чтобы создавать подобие тяжести, но не полной, а вполовину. В такой тяжести скот рос быстрее, ел меньше и меньше болел. По крайней мере, так было на бумаге. На самом деле скот болел, только по-другому.

Я попал туда в пятнадцать лет. Меня поставили в разделочный цех. Это был большой зал, потолок в двадцати метрах, вдоль стен — конвейеры, крюки, рельсы, по которым ехали туши. В центре зала — столы из серого металла, и на этих столах работали мы. Ножи, пилы, шланги. Холодный пар, от которого зябко, и горячий пар, от которого липко. Всё одновременно.

Нож мне показывал как ставить человек по имени Сарн. Он был из взрослых рабов, лет сорока, здоровый мужик с руками как весла и с сеткой шрамов по предплечьям — от собственного ножа, который иногда срывался на своей же руке. У Сарна не хватало двух пальцев на левой — оторвало на пиле, много лет назад. Он остался в живых, потому что успел

зажать культю и не дал себе истечь, и потому, что управляющий решил, что обучать нового дороже, чем лечить старого. Сарн был за главного над нами, молодыми. Он меня учил. Первое, что он сказал, когда я встал у стола: нож входит сам, давить не надо. Если давишь — значит, тупой, значит, точи. Я повторял это про себя весь первый день. Нож входит сам. Давить не надо.

Сарн был из тех рабов, которые провели в одном месте столько, что почти стали частью его. Он уже не помнил, был ли у него хозяин, или он просто всегда был при скотобойне. Он не хотел никуда больше. Он говорил, что ему тут спокойно — работа понятная, мясо есть, спать есть где. Я тогда не понимал, как можно не хотеть уйти. Потом стал понимать. Потом опять перестал.

Животных забивали на верхнем ярусе. Оттуда они к нам приезжали уже мёртвые, подвешенные за ноги, и с них ещё капало. Наша работа была — разделать. Сначала шкура, потом внутренности, потом мясо по частям. Я резал долго, и к концу смены у меня болело всё — плечи, спина, кисти, шея. Кисти болели больше всего, потому что нож в них входил восемь часов подряд, и к концу пальцы отказывались разжиматься. На ночь я клал руку между коленей и разгибал её другой рукой, палец за пальцем.

Паразиты.

Вместе с животными на станцию попали и их паразиты — в шерсти, в коже, в подстилке. Отделять одного от другого

при завозе не стали. И на станции паразиты нашли идеальные условия: тепло, влажность, плотное содержание скота, одни и те же животные рядом друг с другом поколение за поколением. Они размножились и закрепились.

Поэтому скот, которого там растили, был больной. В этой половинной тяжести у животных нарушалось что-то с иммунитетом, и на них селилось всё подряд. Вши, приспособленные к этим животным. Размером с ноготь. Они сидели в шерсти плотными гроздьями, и когда мы снимали шкуру, они разбегались по столу, по рукам, по полу. Нас предупреждали не трогать их голой кожей, но у нас всегда где-то была голая кожа — то рукав задрался, то перчатка порвалась. Через неделю у меня на запястьях были красные дорожки. Через месяц я к ним привык.

Почему паразитов не выводили? Я слышал — пытались, локально. Но это не помогло. Паразиты просто переходили в другую часть стада, или в другие отсеки. Для полной санитарии им было необходимо утилизировать весь скот, который находился на станции, и на неделю закрыть ферму, пока проходит обработка помещений. Никто делать этого, естественно, не собирался. На ферме были тысячи голов, и им было легче привезти рабов и закрыть на паразитов глаза.

Были ещё черви. Они жили в кишках животных, и когда мы вскрывали брюхо, они вываливались вместе с остальным. Длинные, белые, тонкие, как нитки. Они двигались. Мы сгребали их в специальные баки, баки увозили на сжига-

ние. Однажды я не успел отскочить, и мне на ботинок упала горсть. Они заползали под штанину. Я стоял посреди цеха и орал, и никто не подошёл, потому что у всех была смена и останавливаться было нельзя. Я сам их стряхнул, через минуту. С тех пор я не кричал ни разу в жизни. Ни от чего.

А ещё там был нижний уровень. Под разделочным цехом — стоки, куда уходило всё, что не пошло в мясо. Кровь, внутренности, содержимое кишечника, шкуры, кости. По трубам это уходило в утилизатор, но трубы часто забивались, и их чистили. Эту работу давали тем, кого хотели наказать, и тем, у кого не было выбора. У меня не было выбора. Я чистил эти трубы шесть раз за тот год.

Я пробыл там год и два месяца.

Третье место было хуже.

Орбитальная станция, жилой комплекс. Большая, на двадцать тысяч человек постоянного населения, и ещё столько же приезжих. Богатая станция, по меркам того мира, — там жили инженеры, врачи, торговцы средней руки, семьи, дети ходили в школу, у каждой семьи был свой отсек с окном. На верхних уровнях — магазины, парки с настоящей зеленью, кафе, где подавали еду, похожую на еду, а не на то, что я раньше ел. Всё это я видел только издалека, мельком, когда меня вели через технические коридоры.

Работа моя была внизу. В самой нижней части станции — кольцо сервисных уровней, куда обычные жители не спускались никогда. Там шли все коммуникации. Трубы с водой,

трубы с воздухом, трубы с отходами. Стоки от двадцати тысяч человек сходились в большой системе и уходили в переработку. Но между «сходились» и «уходили» было много промежуточных узлов, и эти узлы забивались.

Моя работа была — чистить.

Я был худощавого телосложения, хоть и высоким. Это считалось преимуществом для той работы. Меня посылали в трубы, в которые упитанный или средней комплекции не пролез бы.

Защитный костюм у меня был дешёвый. Не настоящий, а что-то вроде плотного комбинезона с маской. Швы пропускали. Я узнал это в первый же день, когда вылез из трубы, и по моему плечу текло что-то, что попало под ткань через шов. После смены нас мыли. Не ради нас — ради остальных. Если бы нас не мыли, мы бы разносили по станции заразу, а хозяева теряли бы на этом больше, чем экономили. Общий душ на восемь человек, таймер, пять минут еле тёплой воды, которую гоняли по кругу через фильтр и подавали снова. Мы стояли голые плечом к плечу и тёрли себя жёсткими щётками, которые висели на цепях от стены, чтобы никто не унёс. Я тёр то место на плече, куда попало, сильнее всего. Таймер щёлкал, вода отключалась, нас выгоняли. Потом в бараке я сидел на краю нар и ковырял это место ногтем ещё долго, и мне казалось, что оттуда всё равно запах. Может быть, и вправду шло. Может быть, только казалось. Разницы тогда уже не было.

В трубах было темно, и я работал с налобным фонарём. Луч у фонаря был узкий, и я видел только то, что прямо передо мной. Это было к лучшему. Засоры состояли из всего. Из волос — их там были огромные клочья, чёрные, слипшиеся, похожие на мёртвых животных. Из жира — он налипал на стенки слоями, как жёлтый воск, и его приходилось скрести. Из одежды — кто-то спускал в унитазы вещи, которые не должны быть в унитазах. Из того, что спускают в унитазы в норме.

А иногда из того, что не спускают даже в норме.

А ещё там водились крысы. Я не знаю, откуда они взялись на орбите, и долго об этом не думал, а потом однажды подумал, и всё стало просто. Крысы прибыли с людьми. С первыми грузами, в ящиках с крупой, в контейнерах с тканями, в мешках, которые таскали строители, когда станцию ещё только собирали. Достаточно одной беременной самки, чтобы через два года на сервисных уровнях жили сотни. А грузов на станцию приходило по нескольку в неделю.

Их пытались травить. Наверху, на жилых уровнях, где жили нормальные люди, санитары работали исправно — там никто никогда не видел ни одной. Жильцы верхних этажей думали, что крыс на станции нет. Им так было удобнее думать. На средних уровнях крысы уже водились, но осторожные, прячущиеся, учёные ядом. А на нижних, куда санитары не спускались, потому что это было уже наше дело, — там крысы ходили в открытую. Они не убегали, когда я заходил в

трубу. Они отходили в сторону и смотрели. У них были чёрные шкуры — светлых давно не осталось, их было заметнее в полумраке, их ловили первыми, и порода отобралась сама собой.

Ядов они уже не боялись. Те яды, что у нас были, на них почти не действовали, крысы успели привыкнуть за поколения. Новые стоили денег, а хозяева станции на нас денег тратить не хотели. Проще было держать их численность в каких-то рамках и не доводить до того, чтобы они полезли наверх. Этим мы и занимались, в том числе. Я доставал их из засоров крюком, иногда живых, иногда мёртвых, иногда полумёртвых. Полумёртвые кусались, и укус у них был плохой, с инфекцией, с долгим нагноением.

Один из наших умер от такого укуса. Его звали Пек, он был старше меня на пару лет, спал через два места от меня в бараке. Крыса укусила его за запястье — он полез в засор без перчатки, потому что перчатка прорвалась и ему лень было идти за новой. Через день запястье распухло. Через три — рука до локтя стала красной, с чёрными прожилками, идущими вверх по вене. Он ходил работать ещё два дня, потому что пропустить смену было нельзя. На четвёртый он уже не встал. Его отнесли в медицинский отсек — лечить уже было некого, отнесли, просто чтобы он умер не на нарах и не пачкал общее пространство. Я заходил посмотреть на него один раз. Он не узнал меня. Он смотрел в потолок и бормотал что-то, и изо рта у него текло. Я постоял минуту, потом

ушёл. Через день его место занял новый, помоложе, с испуганным лицом, которое потом, через месяц, стало таким же, как у всех нас.

Бояться крыс я перестал быстро. Они были такие же жители станции, как я. Только им повезло чуть больше — их хотя бы не заставляли работать.

Там я пробыл два года.

От меня пахло. Я это понимал. В душе я тёр себя жёсткой мочалкой, менял одежду — мне давали новую раз в неделю, — но запах всё равно оставался. Он впитался в кожу, в волосы, в то, как я дышал. Я перестал его чувствовать на себе, но чувствовал на других рабах, которые работали там же. И я знал, что от меня — так же. Когда меня водили по верхним коридорам, люди отходили. Не специально, а рефлекторно. Прижимали нос к плечу. Отворачивались. Я смотрел на пол.

Я научился в это время одной вещи, которая потом спасала меня много раз. Я научился исчезать. Не физически. Я научился быть так, как будто меня нет, — не смотреть, не говорить, не дышать заметно, не двигаться лишней раз. Когда ты так стоишь, люди перестают тебя видеть. Ты становишься частью стены, частью коридора. Это единственное, что у раба есть своё, — умение пропасть.

Вот так я жил. Шахты, скотобойня, стоки. И между ними — ещё десяток мест, которые просто сливались в один продолжительный кошмар. Корабли-перевозчики, ремонтные доки, лаборатории, где меня сдавали в аренду на опыты,

фермы, мусорные комплексы, приёмные узлы мелких станций. Меня таскали по всему сектору, и я видел изнанку почти всего, что там было. Я знал, откуда берётся вода, куда уходят отходы, как выглядит мясо до того, как его едят, и как выглядит богатый дом снизу, с той стороны, откуда его не видно гостям.

Я терпел.

Вот чем судьба наградила меня сполна. Терпением. И, возможно, именно поэтому я сейчас жив, если это можно назвать жизнью, а не выживанием.

Терпение — странная штука. Мне долго казалось, что это добродетель. Что те, кто терпит, — хорошие люди, а те, кто не может терпеть, — слабые. Потом я понял, что это не так. Терпение — это навык. Ему учат, как учат держать нож или тащить контейнер. Тебя бьют, пока ты не научишься не дёргаться. Тебя унижают, пока ты не научишься не отвечать. Тебя кидают в такое, от чего нормального человека вывернет, и держат там, пока тебя не перестанет выворачивать. Это и есть терпение — состояние, в котором ты больше ни на что не реагируешь.

И я доучился. К двадцати годам я был самым терпеливым человеком из всех, кого знал. Меня можно было поставить в любое место и оставить там, и я бы работал, ел то, что дают, спал там, где дают, и молчал. Я был идеальным рабом. Мой хозяин, тот, которого я не видел, наверное, был мной доволен, если вообще обо мне знал.

А потом меня украли.

Глава 2

Звучит смешно. Я думал, крадут только ценности, но оказалось, что в таких, как я, тоже был кто-то заинтересован. Хотя мне больше показалось, что заказ был — насолить моему хозяину, а мы оказались просто попутным товаром.

Это было ночью. Я спал в бараке на нижнем уровне, как спал все два предыдущих года, — на нарах, на тонкой подстилке, укрывшись одним и тем же одеялом, которое уже не помнило, какого оно было цвета. Проснулся я от того, что в коридоре было тихо. Обычно в коридоре всегда какой-то шум — насосы, вентиляция, шаги смены, которая идёт на верхние уровни. А тут была тишина, и эта тишина была неправильная. Я лежал с открытыми глазами и слушал. Через минуту что-то щёлкнуло в двери барака — не привычный звук разблокировки, которым нас будили утром, а другой, короткий, металлический. Дверь открылась не с той стороны.

Их было шестеро. Они вошли тихо, с оружием, которое я раньше не видел близко, — компактным, с глушителями. Один из них поднял руку, и все остановились. Он посветил фонарём по нарам, прошёлся лучом по лицам. Мы лежали, никто не дёргался, никто ничего не спрашивал. Раб, который прожил в этом мире хоть несколько лет, знает: если в комнату вошли с оружием, самое правильное — не двигаться.

Движение — это повод в тебя выстрелить. Неподвижность — повод подумать.

Главный из них что-то сказал двоим своим. Нас начали поднимать и выводить в коридор.

Нас провели по сервисным коридорам наверх, в грузовой ангар. Там стоял небольшой корабль, не похожий на обычные грузовики, которые швартовались у нижних доков. Этот был ниже, компактнее, с покрашенными бортами — без логотипов, без номеров, гладкий. Позже я узнаю, что такие корабли называют «серыми» и что на них не возят официальных грузов. Нас загнали в трюм. В трюме было тесно, холодно, и по полу тянулись ребристые полосы металла, на которые было неудобно садиться, но мы всё равно сели, потому что стоять не было сил. Дверь задвинули. Через минуту под нами загудело — корабль отшвартовывался.

Мы не понимали, что происходит. Никто из нас. Один, постарше, спросил шёпотом у другого, что это. Тот пожал плечами. Кто-то предположил, что нас просто перевозят в другое место, как всегда перевозили. Другой сказал, что если бы это был просто перевоз, приходили бы управляющие, а не люди с оружием. Третий молчал. Я тоже молчал. У меня было странное ощущение — какой-то пустой ясности, как будто я уже умер и теперь наблюдаю, что будет дальше. Я думаю, это было оцепенение от того, что сломался привычный порядок. Раб живёт в очень жёсткой сетке правил, и когда эта сетка вдруг рвётся, раб сначала не понимает, как дышать.

Мы летели часов двенадцать. Нас не кормили и не давали воды. В трюме был угол, в который можно было отойти по нужде, и мы по очереди отходили туда, и пахло там уже через час так, что хотелось дышать ртом. Один из нас в какой-то момент начал плакать — без голоса, без звука, просто по лицу у него текло. Я на него не смотрел. Я смотрел в пол.

Потом корабль затормозил, нас ощутимо качнуло, потом ещё раз, и мы поняли, что швартуемся. Дверь трюма открылась. Снаружи был свет, яркий, и несколько человек с оружием, как и те, что нас забирали. Нас вывели. Мы стояли вдоль стены ангара — какого-то другого, незнакомого, — и нас пересчитывали. Потом пришёл человек без оружия. Он был в обычной одежде, тёмной, аккуратной, и он был старше тех, кто нас привёз, — лет пятидесяти, с короткой седой бородой, с лицом человека, который привык, что его слушают. Он прошёлся вдоль нас, заглядывая каждому в лицо. Медленно. Он не спешил.

На мне он остановился. Смотрел долго. Я стоял, глядя в пол, потому что так меня приучили за восемнадцать лет.

— Подними голову, — сказал он. Голос у него был низкий, ровный, без раздражения.

Я поднял. Я смотрел ему в подбородок, не в глаза, — глаза в глаза со свободным человеком раб не смотрит. Но он взял меня двумя пальцами за подбородок и немного поднял мне лицо, так что я всё-таки встретился с ним взглядом. Глаза у него были светлые, усталые. Он смотрел на меня секунд

десять. Потом отпустил.

— Этого — налево, — сказал он тому, кто шёл за ним со списком.

Меня отвели налево. Туда же отвели ещё четверых из нашей группы. Остальные остались стоять у стены. Я не знал, что это значит — налево или направо. Узнал позже.

Тех, кто остался у стены, в тот же день отвезли на рынок и продали. Это была партия, захваченная у моего хозяина в качестве удара по его делам. Их просто сдали и получили за них деньги. Они исчезли в том же мире, из которого мы все пришли, — разошлись по шахтам, скотобойням, стокам. Я никого из них больше никогда не встречал, и не знаю, жив ли кто-нибудь.

А нас, пятерых, оставили, отвели в другое помещение, дали воду, дали поесть — настоящей еды, горячей, с мясом, — и сказали ждать. Мы ждали. Мы сидели за общим столом и ели молча, и никто из нас не понимал, что происходит. Мы ждали, что сейчас нам объяснят новую работу, и что работа будет какая-то особая, для которой нас отобрали.

Объяснили на следующий день. Тот же человек с седой бородой пришёл в комнату, где мы сидели, и сел напротив нас. Сказал короткую фразу, которую я запомнил дословно.

— С этого дня вы работаете на меня. Ваш бывший хозяин больше не имеет к вам отношения. Я его не люблю, и забрать у него пятерых приличных людей для меня удовольствие. Что с вами будет дальше — зависит от того, как вы

себя покажете.

Он встал и вышел. Всё. Никаких других объяснений.

Я в тот момент понял одну вещь, и она оказалась правдой. Меня не освободили. У меня просто сменился хозяин. Только и всего. Словом «освобождение» в этом мире пользуются редко, и никогда — по отношению к таким, как я.

Нас отмыли. По-настоящему, не пятиминутным душем. Нас завели в отдельные кабины, там была горячая вода, и её было столько, сколько хочешь, и мыло, и шампунь. Я стоял под ней минут сорок, и тёр себя, и смывал, и снова тёр, и только потом, когда от меня пошла уже чистая вода, я сел на пол кабины и сидел ещё минут десять.

От меня впервые за много лет не пахло.

Потом нам дали одежду. Обычную, чистую, по размеру, отвели к медику. Он осмотрел нас, каждого по отдельности, сделал уколы от того, что мы за годы набрали на теле и в теле, дал какие-то таблетки. Он разговаривал с нами вежливо, как с людьми. Это было странно. Я не умел отвечать вежливо, у меня не было на это языка. Я мычал что-то односложное, и он кивал, и писал в своей бумаге.

Потом нас распределили. Трёх увели сразу — я не знаю куда и для чего. Двоих оставили здесь, со мной, для обучения. Нас поселили в маленькую каюту с двумя нарами, дали книги и начали учить.

Учили разному. Ходить на корабле. Говорить правильно, без рабских оборотов — раб говорит короткими фразами,

избегает местоимений первого лица, старается не подчёркивать себя. Это слышно. Свободный человек так не разговаривает, и чтобы сойти за свободного, надо переучиться. Учили читать и писать — я умел плохо, почти не умел. Учили считать. Учили вести себя за столом. Учили смотреть в глаза. Это было самое трудное. Смотреть в глаза взрослому. Я опускал глаза автоматически, как будто мускул какой-то сам включался. Меня за это ругали. Не били, а именно ругали — словами, объясняя, почему это важно. Это тоже было непривычно. Мне раньше не объясняли, меня били.

На обучение ушло чуть меньше года. Я учился быстро, потому что у меня не было выбора. Те, кто учился плохо, исчезали, и мы понимали, что с ними происходит, не спрашивая. Двое из пяти не дошли до конца. Один сломался психически — просто перестал реагировать, целыми днями лежал лицом к стене. Его куда-то увезли. Второго застрелили, я не знаю за что, мне не сказали. Нас осталось трое из той партии. Нам сказали — молодцы, вы теперь готовы.

Готовы мы были к тому, чтобы работать на моего нового хозяина. Не в шахте и не в канализации. В его деле. А дело у него было — перевозка того, что нельзя перевозить легально.

Он был пиратом. Старым, опытным. У него было несколько кораблей-захватчиков, кораблей-перевозчиков и сеть связей по всему сектору. Он не ходил сам уже давно — жил на какой-то тихой планете, про которую нам не говорили,

и оттуда вёл дела. Ему нужны были люди на кораблях-перевозчиках. Капитаны, которым он может доверять, и которые, что важнее, не могут от него уйти.

Я был идеальным кандидатом. Лицо у меня оказалось, как выяснилось, довольно смазливym и честным — после того, как с меня сошла корка грязи и я поправился на нормальной еде. Во мне никто не видел бывшего раба из канализации. Во мне видели молодого человека, немного застенчивого, немного тихого, с грамотной речью и добрыми глазами. Идеальный фасад. Меня стали выдавать за честного торговца. Пират под личиной работяги.

Мне дали корабль. Дали экипаж — людей, которых он сам подобрал, и которых я не выбирал. Дали инструкции. Сказали, куда лететь, что грузить, что отдавать в конце. Я полетел. Это был мой первый рейс. Я помню его плохо, потому что всё делал с напряжением — боялся ошибиться, боялся, что экипаж увидит, что я не настоящий капитан, боялся, что меня раскроют на таможне. Никто ничего не увидел. Таможня пропустила. Груз дошёл. Меня похвалили. С этого дня я стал капитаном.

Мне, наверное, повезло. Сейчас я хотя бы могу сам решать, чем заниматься. Мог бы, если бы хотел, пойти работать мусорщиком на орбитальную свалку — собирать обломки списанных кораблей, выковыривать из них годное, сдавать на переработку. Честная работа, и тяжёлая, я такую умею делать. Мог бы чинить дюзы на перевалочных станци-

ях, мыть ангары, ремонтировать грузовые лебёдки. Мог бы пойти наёмным пилотом на корпоративный рейс — возить зерно между колониями, получать раз в месяц скромные, но чистые деньги, жить в общежитии для экипажей.

Нет. Я не могу выбирать. Это всё ложь. Теперь я обязан им своей жизнью.

И я должен возить то, что легально не завезёшь. Формально — капитан корабля. Не формально — подчинённый главному, не имеющий права голоса, потому что всё принадлежит ему, моему спасителю, отошедшему от дел и сейчас раздающему приказы на расстоянии. Он говорит — я выполняю. Без права на ошибку или неподчинение.

Меня зовут капитаном. Капитан я только на бумаге. У меня есть корабль, которого у меня нет. У меня есть экипаж, который мне не принадлежит. У меня есть маршруты, которые мне не выбирать. У меня есть имя — то, которое мне придумали вместо номера в списке, — и это имя я ношу, как раньше носил одеяло в бараке. Оно не моё. Оно просто прикреплено ко мне.

Теперь это моя работа, и каждый рейс мне не нравится, но я делаю это снова. В этом мире и без меня хватает грязи. Одним больше, одним меньше — разница невелика. А я хочу жить. Или хотя бы существовать.

Обычно я вожу вещи. Ядра от старых реакторов, которые нельзя перевозить через таможи центральных систем. Оружие, которое собрали на окраинах и хотят продать в глуби-

ну. Химию, которую официально уже сняли с производства, а неофициально она ещё кому-то очень нужна. Семена растений с закрытых планет. Данные — это редко, но бывает, и за это платят больше всего. Иногда — лекарства, которые в одной системе считаются обычными, а в другой запрещены, и их везут туда, где они запрещены, потому что именно там они нужнее всего.

Это всё вещи. С вещами я умею работать. За вещи не отвечаешь перед собой, отвечаешь только перед тем, кто их заказал.

Но в этот раз всё иначе.

Не контрабанда товара в привычном смысле. Точнее, товар — да, но товар оказался живым.

Глава 3

Три корабля шли в связке.

Главный, на котором был я, и два поменьше, сопровождающие. Так ходят те, кто возит много и кому есть что возить — несколько судов делят груз и делят риск. Если на одном что-то найдут, двое других должны успеть уйти. Правило негласное, его никто не писал в уставах, но его знают все, кто водит караванами.

Идея не моя.

Хозяин разложил схему много лет назад. С тех пор менялись только суда и люди на них. Суда старели и списывались. Люди менялись быстрее.

Я шёл к Эпитафному контуру.

Контур — это объединение нескольких обжитых планет, связанных общими путями и общей таможней. У Эпитафного таких планет было восемь, и у него была своя столица, отдельная, богатая, с флотом и законами. Мы туда не шли. Мы шли на Ашвен — хорошую рыночную планету, удобную для разгрузки большого объема сразу. Ашвен сам всё перепродаёт дальше, вглубь контура, и оттуда — в другие контуры, и дальше. Для таких, как я, Ашвен — обычный адрес. Я был там уже раз пятнадцать.

Но сначала — таможня.

Таможенный узел Эпитафного стоял на границе контура,

в точке, которую нельзя было обогнуть. Все, кто хотел войти, шли через него. Все, кто хотел выйти, — тоже. Большая станция в форме гранёного кольца, с доками по внешнему краю и с операторскими модулями по внутреннему. Снаружи она выглядела правильной и аккуратной, как всё, что строили в Эпитафном. Внутри была строгой. Не такой, как у военных, которые сразу стреляют и потом задают вопросы, но и не такой, как у окраинных, где можно сунуть деньги нужному человеку и пройти. Эпитафные инспекторы делали свою работу по протоколу, без лишних разговоров.

Я это знал. Я водил через них много раз. У меня каждый раз внутри что-то сжималось, и каждый раз я надеялся, что в этот раз притупится. Не притуплялось.

Перед таможней мы встали в очередь.

Впереди нас было судов пятнадцать. Разные. Первым шёл огромный рудовоз — корабль-цистерна, гружённый чем-то, что он возил, видимо, из промышленного сектора на переработку. Он был старый, обшивка в пятнах, двигатели гудели даже в покое. За ним — аккуратный пассажирский шаттл местных линий, из тех, что возят чиновников между планетами контура. Маленький, белый, с логотипом какого-то ведомства. Дальше — два крупных торговца вроде меня, оба с одним кораблём, идущие поодиночке. Их я не знал. За ними — патрульный корабль контурной военной службы, который, судя по его расположению, ждал не проверки, а шёл по своим делам. Он стоял чуть в стороне, не в очереди, и я

на всякий случай отметил его глазами. Военных патрулей я не боялся, но и не любил видеть близко.

И был ещё один корабль, на который косились все.

Он стоял третьим с конца, прямо передо мной. Странной формы — не вытянутый, как большинство, а скорее круглый, с асимметричными выступами, и обшивка у него была матовая, чёрно-серая, почти не отражавшая свет. Я таких раньше не видел. Принадлежность его не читалась — ни номеров, ни эмблем, ни типовых признаков, по которым обычно понимаешь, откуда корабль. Он просто висел в очереди, молчал, и все вокруг делали вид, что его нет.

Я посмотрел на него несколько минут. Потом перевёл взгляд обратно на свой экран.

В капитанской каюте, кроме меня, был оператор связи. Он сидел за своей консолью и не мешал. Его звали — Арис, я помнил. Он был третьим по счёту оператором, которого поставил мне хозяин за последние два года. Первого перевели на другой корабль, второго списали за какой-то промах, о котором мне не рассказали. Этот был новый, пришёл четыре месяца назад, и я всё ещё относился к нему как к обстоятельству. Как к погоде. Он делал свою работу, я делал свою.

Я так относился ко всей своей команде.

Их было восемнадцать человек на трёх кораблях. Шестеро на главном, по шесть на каждом из сопровождающих. Никого из них я не выбирал. Хозяин сам подбирал людей и распределял, кто где ходит, и менял их по своему расписанию. Я

с ними работал, знал, кто что делает, знал имена и привычки, но не больше. При встрече кивал. На сменах пересменки мог обмениваться парой фраз. И всё.

Это было сознательно. Правило, которое я выучил ребёнком, работало и здесь. Не привязывайся. Будешь привязан — будет больно, когда кого-то из них заберут, а заберут обязательно, рано или поздно, потому что так устроено. Легче не начинать.

Думаю, они ко мне относились так же. Я был для них капитан по должности, но не по-настоящему. Настоящий капитан — это человек, который тебя взял в экипаж, который тебе платит, перед которым ты отчитываешься. Я никого из них не брал и никому не платил. Платил хозяин, и отчитывались они перед ним, а я был просто тот, кто сидит в капитанском кресле, потому что кто-то должен.

Мы терпели друг друга ровно столько, сколько нужно было, чтобы вместе делать работу. Думаю, этого хватало. Ни я, ни они не требовали большего.

Очередь двигалась.

Рудовоз проверили быстро — видимо, его знали, он ходил здесь постоянно. Пассажирский шаттл прошёл почти без проверки, у него был ведомственный пропуск. Мелкие торговцы впереди меня задержались дольше, особенно второй — инспекторы поднимались на борт, ходили, сверяли документы. Но в итоге отпустили обоих.

Станный корабль, пропустили без проверки вообще. Он

просто подошёл к контрольной зоне, постоял минуту, и ему сразу дали разрешение на вход. Ни инспекторов, ни досмотра. Никто за этим не комментировал. Корабль с дипломатическим статусом, или с правительственным подрядом, или с чем-то таким, о чём знают только наверху, — он просто проходит, и это нормально.

Потом подошла моя очередь.

Я перевёл двигатели на тормоз, корабль мягко сбросил скорость и стал у контрольной платформы. С боков к нам пристыковались две инспекторские капсулы — небольшие, с магнитными захватами, как клещи. Прозвучал сигнал разблокировки внешнего шлюза. Инспекторы шли на борт.

Их было четверо. Двое старших, в тёмно-серой форме с эмблемой Эпитафного, и двое младших, с аппаратурой. Старшие занялись мной и документами, младшие пошли по кораблю — проверять грузовые отсеки.

Я передал им пакет. Груз у меня был оформлен как промышленная химия средней очистки, предназначенная для ашвенского завода переработки. Документы чистые, с печатями, с накладными, с подписями. За подлинность бумаг у нас отвечал отдельный человек в структуре хозяина, и за всё время ни одна из его бумаг ещё не дала сбой.

— Цель визита в контур? — скучно спросил старший. Он задавал этот вопрос в тысячный раз за свою службу.

— Доставка груза на Ашвен, фабрика «Тремор-14».

— Оплата?

— По прибытии. Договор есть в пакете.

Он полистал. Кивнул. Передал дальше, второму старшему.

— Экипаж?

— Шесть человек на этом судне. Ещё двенадцать на сопровождающих.

— Сопровождающие идут под вашим флагом?

— Да.

Он сверил с экраном. У него там был список судов моего каравана.

— Ждите результатов осмотра, капитан.

Я кивнул.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Младшие инспекторы ходили по кораблю, спускались в трюмы, открывали отсеки, сверяли содержимое с накладными. Я сидел в кресле и не смотрел на свои руки. Когда ты нервничаешь, руки себя выдают — начинают что-то теревить, постукивать, тереться друг о друга. Я выучился много лет назад класть их на колени и оставлять там.

Один из младших задержался у главного грузового. Я видел его на внутренних камерах — он стоял у большого контейнера, сверял номер, водил сканером, потом снова сверял. Потом вызвал старшего. Старший спустился. Посмотрел. Кивнул. Сказал что-то короткое, видимо «в порядке», и поднялся обратно.

Через пять минут проверка кончилась.

— Груз соответствует. Разрешение на вход в контур выдано. Переход в буферную зону ожидания. Следующий досмотр — на посадке в порту Ашвена.

— Благодарю.

Я действительно сказал «благодарю». Так меня учили говорить с официальными лицами. Это слово у меня до сих пор ложилось криво на язык, но я его выговаривал правильно, и никто не замечал.

Инспекторы ушли. Капсулы отстыковались. Сигнал разблокировки. Мой главный корабль получил разрешение двигаться дальше.

Я вывел его из контрольной зоны и перевёл в буферную — пространство в нескольких километрах за таможей, где прошедшие досмотр караваны собирались перед тем, как уйти вглубь контура. Там уже стояло с десятков судов. Рудовоз, который был впереди меня. Пассажирский шаттл, ушедший раньше, уже, судя по отметке, покинувший зону. Один из мелких торговцев. И странный корабль с матовой обшивкой — он тоже был здесь, стоял в стороне, молчал.

Я открыл закрытый канал со своими.

— Второй, слышишь?

— Слышу, — ответил капитан второго сопровождающего.

— Мы прошли. Иди следом, с обычным интервалом.

— Принял.

— Третий, слышишь?

— Слышу, — ответил капитан третьего.

— Иди после второго. С тем же интервалом.

— Принял.

Связь оборвалась.

Я откинулся в кресле и впервые за последние два часа дал себе выдохнуть по-настоящему. Главный прошёл. Это было важнее всего. На главном шёл я, и если бы что-то пошло не так, накрыло бы всех. Теперь — главное миновало.

Я стал ждать.

Второй сопровождающий подошёл к контрольной зоне через сорок минут. Его проверка шла дольше моей — у него груз был сложнее, там было несколько разных накладных, и инспекторы дольше сверяли бумаги. Но в итоге его тоже пропустили. Он вышел в буферную зону и встал недалеко от меня.

— Второй в зоне, — сказал оператор связи.

— Вижу.

Две галочки. Осталась одна.

Третий подошёл к контрольной зоне. Я смотрел, как он сбрасывает скорость, как к нему пристыковываются инспекторские капсулы. Всё то же самое, что было со мной. Стандартная процедура.

Первые пятнадцать минут — ничего необычного. Я даже перестал смотреть на экран постоянно, отвлёкся на другие дела, обсудил с оператором связи планы по заходу в ашвенский порт.

Потом Арис привлек внимание.

— Капитан. Третий.

Я посмотрел.

Проверка у третьего шла уже тридцать минут. Это было дольше обычного, но ещё не красный флаг. Бывает, что у инспекторов вопросы к бумагам, или они что-то уточняют по связи с материковой базой. Я подождал ещё.

Сорок минут. Сорок пять.

На пятидесятой минуте у третьего от контрольной платформы отстыковались инспекторские капсулы, но не для того, чтобы освободить корабль. К нему подошла третья капсула, потом четвёртая. На борт поднималась дополнительная группа.

Я выпрямился в кресле.

— Закрытый канал с третьим, — сказал я оператору.

Он нажал кнопки.

— Третий, слышишь?

Тишина.

— Третий, слышишь?

На канале был шум. Ни голоса, ни подтверждения. Только шелест статики.

— Капитан, — сказал оператор. — У меня стоит отметка. Смотрите.

На его консоли светилось сообщение. Это была служебная отметка таможни Эпитафного контура, которая передавалась на все суда в буферной зоне. Стандартное уведомле-

ние, когда одно из судов вашего каравана переводят в особый статус.

«Судно номер 3367 ШКС капитан Леван Хок. Статус: зона изоляции. Причина: проводится расширенный досмотр. Всем сопутствующим судам каравана запрещается любой контакт до завершения процедур.»

Я смотрел на эти строки.

Зона изоляции — это значит, что на корабле что-то нашли или подозревают, что нашли. И до окончания процедур связь с ним запрещена. Если я сейчас попробую связаться — это будет нарушением, и за этим пойдут проверки уже у меня.

— Видеть можешь? — спросил я.

Оператор переключил внешние камеры.

Я увидел третий. Он стоял у контрольной платформы, пристыкованной к четырём капсулам. Вокруг него были инспекторские катера — ещё три, дополнительных, с эмблемами усиленного состава. Это был уже не обычный досмотр. Это было полноценное задержание.

Шлюз третьего открылся. Из него начали выводить людей.

Я узнавал их по фигурам. Шесть человек — весь экипаж третьего. Они выходили по одному, с поднятыми руками. Инспекторы заводили их в отдельную капсулу, пристыкованную сбоку.

Я знал этих шестерых. Знал капитана, знал его второго пилота, знал механика с длинными седыми волосами, который работал у хозяина уже лет десять. Знал совсем молодого

парня, которого взяли в экипаж месяца три назад, он ещё ни разу не был в настоящем рейсе, это был его первый дальний. Я их знал.

Они уходили в инспекторскую капсулу один за другим. Никто не сопротивлялся. Все понимали, что бесполезно.

А потом из третьего грузового отсека, не из пассажирского выхода, вывели ещё кого-то.

Я наклонился к экрану.

Это был не член экипажа. Фигура была закутана в что-то серое, похожее на плотную ткань, скрывавшую тело и голову целиком. Между двумя инспекторами. Шла сама, но медленно, как будто плохо знала, куда идёт. Одна из инспекторских рук поддерживала её под локоть — не жёстко, а почти бережно. Так ведут того, кто важен.

Фигуру завели в отдельную капсулу. В другую, меньшую, более защищённую.

Оператор связи тихо сказал:

— Капитан.

Я не ответил.

Я сидел в кресле и смотрел, как третий корабль, мой третий корабль, увозят по частям — экипаж в одну сторону, закутанную фигуру в другую. Шлюз корабля закрылся. На нём повесили внешний маркер изоляции — большой красный круг, видимый всем судам в зоне. Такой маркер означает, что корабль арестован, и к нему нельзя приближаться ни под каким предлогом.

Я сидел и не мог двинуться с места. Мои глаза беспорядочно передвигались из стороны в сторону.

Живой груз, который я вёз в этом рейсе, был не у меня.

Он был на третьем.

Глава 4

Я молча встал с капитанского кресла и вышел с мостика.

В коридоре за дверью я остановился на секунду. Ноги были тяжёлые, как будто не мои. В голове крутилась одна фраза, и крутилась плотно, заполняя всё остальное: это невозможно.

Живой груз, который я вёз, был на третьем корабле. Я видел это своими глазами — как его выводили из грузового отсека, как заводили в отдельную капсулу. Фигура, закутанная в серое. Между двух инспекторов. Живая.

Это значило, что у меня в трюме нет никого.

А я знал, что есть. Я видел, как капсулу заносили на борт перед вылетом. Я проверял пломбу.

Не могло быть так, чтобы груз был и там, и здесь.

Значит, где-то один из двух — не настоящий.

И мне надо было увидеть собственными глазами, какой.

Я пошёл вниз.

Мой корабль был большим. Средний класс, какие ходят между контурами с умеренными грузами. Такие суда строят хорошо, с запасом, потому что они большую часть жизни проводят в дальних перегонах и ломаться им нельзя. Мой был из свежих — не новый в смысле этого года, но и не дряхлая развалина, какие стоят в окраинных портах и держатся на честном слове или нечестном. Хороший корабль. Доро-

гой.

Когда старик пять лет назад передавал мне его, я не верил, что это для меня. Хотя к тому моменту я уже понимал, что он мне благоволит больше, чем остальным своим капитанам. Я считался любимчиком. Грузы мне давали не из самых опасных, документы проверялись по два раза, и мне прощалось то, чего не прощалось другим. До этого корабля я ходил на учебных баркасах и двух старых грузовиках, которых подлащивали между рейсами. А этот — ощущался новым металлом и свежим пластиком, двигатели у него работали мягко, в каютах был нормальный воздух, а не та смесь, которой дышат в дешёвых судах. Я помню, как зашёл в него впервые и долго не мог поверить, что буду здесь работать.

Сейчас я его знал наизусть. Каждый поворот коридора, каждую вибрацию пола, каждый звук системы охлаждения на разных нагрузках. Этот корабль был единственным местом в моей жизни, про которое я мог сказать «своё», хотя и он мне не принадлежал. По бумагам он был приписан к одной из компаний старика, я был наёмным капитаном с контрактом, который не я писал и условия которого я не выбирал. Все равно это было просто официальной фикцией. Но на борту были мои вещи, мои привычки, мои маршруты. Этого мне хватало.

До сих пор хватало.

Я шёл по коридору от мостика вниз.

Мимо камбуза. Там за столом сидел наш кок, резал что-

то на доске. Он поднял голову, увидел меня, кивнул. Я кивнул в ответ. Ритм этого обмена был отработанный, годами — кивок, кивок, мимо, дальше. Сегодня я поймал себя на том, что смотрю на него дольше, чем нужно. Он уловил это, перестал резать. Я отвёл глаза и пошёл дальше.

Знает или не знает, подумал я. Он уже два года на корабле. Если о подмене знали на базе, знали ли на борту? Этот кок — глаза старика или просто человек, который режет овощи?

Я не знал. И понял, что раньше, до этого дня, мне не приходило в голову задавать такой вопрос ни про одного из своих. Я считал, что никто из них не ведёт двойной счёт, что они преданы. Сейчас, за пять минут, я перестал быть в этом уверен.

Мимо медотсека. Пусто, никого.

Мимо жилых кают. Из-за двери одной из них слышно голос — кто-то говорил по внутренней связи, громко, смеялся над какой-то шуткой. Офицер погрузки, узнал я по голосу.

На секунду я остановился перед его дверью. Подумал — постучать, зайти. Спросить в лоб. Знал ли ты.

Но что бы я получил в ответ? Если он не знал — удивление. Если знал и честный — признание. Если знал и не честный — спокойный взгляд и «о чём ты, капитан». Три разных исхода, и ни один из них мне сейчас не поможет. Наоборот — любой из них заставит меня играть роль ещё до того, как я сам пойму, какую играть.

Я не постучал. Пошёл дальше.

Спустился по короткой лестнице на технический уровень.

Технический уровень — это пространство под основными палубами, где идут системы корабля. Вода, воздух, энергия, связь. Тут низкие потолки, приходится пригибать голову в некоторых местах. Тут всегда гудит — работают насосы, прокачивают воздух вентиляторы, где-то вдалеке бьётся пульс реактора. Свет здесь холодный, резкий, без тёплого тона, потому что это рабочее пространство, в нём красоты не нужно.

Я знал, куда иду.

Тайник у меня был не в грузовом отсеке. В грузовом стояли контейнеры с химией, которую я возил как официальный груз — тот, который только что проверяли инспекторы. Там никаких тайников не было. Там стоял чистый, документированный товар, ради которого я формально и делал этот рейс. Если бы в грузовом было двойное дно, инспекторы нашли бы его сразу — они знают все стандартные хитрости, и простукать контейнер для них дело привычки.

Тайник был в другом месте.

У каждого корабля старика тайник был свой. Это было основное правило схемы, на которой всё держалось. Если три корабля идут караваном и на всех трёх одинаковые тайники, то вскрыли один — сразу идут по остальным двум и находят то же самое. И даже если груз был только у одного, при проверке и нахождении тайников у других судов всё автоматически приравнивается к нарушению. Зачем кораблю тайник,

если тебе нечего скрывать. Старик этого не допускал. У каждого судна тайник был устроен по-своему, в разных местах, разными способами.

На моём корабле он был здесь — на техническом уровне, в секции между резервуарами охлаждения.

И пока я шёл к нему, в голове у меня само собой собиралось воспоминание о том, как всё начиналось.

Я был на базе старика, которой являлась станция на тихой планете V-12.

В тот день мой корабль стоял в ангаре, готовый к вылету. Я пришёл на борт с утра — проверить, что всё загружено. Грузовой отсек был заполнен контейнерами с химией, пломбы на них стояли таможенные, бумаги у меня на руках. Это была лёгкая часть, её я всегда проверял первой.

Потом я спустился на технический уровень.

Когда я подошёл к секции между резервуарами охлаждения, там уже работали двое. Люди старика, из погрузочной бригады. Я видел их раньше, они всегда занимались именно нишами — это была их специальность, они знали скрытые тайники на всех кораблях старика и работали с ними одни, без посторонних глаз. Одного я знал по кличке, второго — в лицо.

Они как раз заканчивали. Я подошёл вовремя — или, как теперь оказалось, очень не вовремя.

Внешняя техническая панель была открыта, отодвинута вбок. За ней — вторая, внутренняя панель ниши. Её они уже

закрывали на моих глазах. Один из них держал в руках пломбу — маленький диск из металлического сплава, со штампом старика, такие у нас использовались для всех внутренних тайников. Пломба приклеивается на стык внутренней панели. Если её снять — она рвётся, и новую такую же поставить без доступа к пресс-штампу старика невозможно. По крайней мере, так я считал.

Старший из погрузчиков поставил пломбу на стык. Придавил пальцем. Проверил, что сидит ровно. Кивнул мне:

— Капитан, пломба стоит. Груз в нише, живой, в капсуле с жизнеобеспечением.

— Вижу, — сказал я.

Он отошёл. Я подошёл ближе, осмотрел внешнюю панель, увидел внутреннюю с пломбой, потрогал пломбу пальцем — целая, сидит. Закрыл внешнюю. Прошлась моим нажатием — обратный порядок, чтобы запереть. Щёлкнуло. Панель встала на место.

Я получил строгое наставление: «один живой объект, капсула с жизнеобеспечением, не вскрывать, пломба хозяина стоит».

Всё.

В этот момент у меня в кармане пискнула рация — старик звал меня к себе, на разговор перед вылетом. Как всегда перед каждым рейсом. Я ушёл.

Разговор со стариком шёл час с небольшим. Он давал мне инструкции по маршруту, по встрече на Ашвене, по тому,

как вести себя на таможене Эпитафного — обычные вещи, которые я слышал десятки раз. Потом я вернулся на корабль. Погрузчиков уже не было. Я прошёл по кораблю, проверил всё ещё раз. Дошёл до технического уровня. Встал перед той же панелью.

Внешняя была закрыта, гладкая, как обычная обшивка. Я не стал её вскрывать снова. Зачем? Ниша была запломбирована при мне. С момента, как я ушёл к старику, и до моего возвращения прошёл час. За этот час в ангаре были только мои люди, на корабль не пускали никого чужого.

Я не открывал.

И вот только сейчас, идя по техническому коридору к этой самой панели, я перебрал в голове каждую секунду того дня и понял, где у меня была слепая зона.

Час, который я провёл у старика.

За этот час с кораблём могло произойти что угодно. Могли вскрыть внешнюю панель, сорвать внутреннюю пломбу, вытащить капсулу с живым грузом, перевезти её куда надо, поставить новую пломбу и закрыть панель обратно.

Я не видел весь процесс полностью, только начало — как груз завозили в ангар. И конец — как всё закрыто.

Или был и второй вариант. Груза не было на моём корабле с самого начала. Я видел, как капсулу несли в сторону моего ангара, но ее могли развернуть на полпути, отвести к третьему и спрятать там. А в моей нише так ничего и не появилось. Погрузчики закрыли пустую панель и поставили пломбу —

как будто груз внутри был. Но тогда зачем было вообще показывать мне капсулу?

Ответ был только один. Чтобы я ничего не заподозрил.

В обоих этих случаях караван подставили. Разница была лишь в тех, кто в этом участвовал. В первом случае все было сделано правильно и капсулу переместили уже после погрузки, подменив пломбу, во втором погрузчики были в курсе настоящего положения груза.

Панель была третьей от угла.

Технический коридор в этом месте был особенно узкий. По левую сторону шла стена с трубами охлаждения, по правую — сплошная обшивка с квадратными техническими панелями, одинаковыми до неразличимости. Если бы я не знал, какая из них моя, я бы её не нашёл с первого раза.

Я встал перед ней. Приложил ладонь. Поверхность была гладкая, тёплая — труба охлаждения рядом её нагревала. На ощупь — никаких отличий от соседних.

Я посмотрел вдоль шва. У панели по краю шла тонкая полоска герметика, аккуратная, не повреждённая. Шов как шов. На соседних панелях такой же.

Если подменяли груз, то это делали здесь. Прямо на этой панели. Руки, которые её открывали в тот час, были не мои.

Я нажал точки в правильной последовательности. Сначала точку на средней панели. Потом точку на левой. Потом две точки на правой.

Внутри коротко щёлкнуло.

Внешняя панель отъехала вбок на десять сантиметров.

За ней открылась вторая — внутренняя панель ниши. Серая, с ровным стыком посередине. На стыке стоял маленький круглый диск.

Пломба.

Я достал фонарь. Надел на голову. Включил. Луч лёг на пломбу, и я наклонился ближе.

Пломба была целая.

Я смотрел на неё и сначала не понимал, что это значит. Потом понял, и в груди у меня стало холодно.

Пломба стояла такая же, как та, которую ставили при мне. Того же размера. Того же цвета. Штамп старика — чёткий, ровный, без вмятин и трещин. Она выглядела точно так, как должна выглядеть пломба, которую поставили и с тех пор не трогали.

Но я уже знал, что она врёт.

Я это знал, потому что видел, как из третьего корабля выводили живого человека, и этот человек и был тот самый груз, который должен был лежать за этой пломбой.

Я стоял перед этой ней долго. Может, минуту. Я знал, что надо срывать и смотреть, что за ней. И я не срывал. Я смотрел.

Потому что пока я не сорвал — у меня ещё был вариант, что я ошибаюсь. Что живой человек на третьем — не мой груз, а какой-то другой, о котором я не знал. Что в нише у меня всё-таки капсула.

Пока пломба цела, у меня есть вера.

Время идет. Нужно спешить.

Я сорвал ее.

Глава 5

Пломба отошла легко, клей успел подсохнуть с момента погрузки. В моей руке оказался маленький диск с штампом старика, я смотрел на него и думал, что за пять лет работы я никогда не срывал такую пломбу своими руками. Она всегда снималась не мной, а получателями.

Я открыл внутреннюю панель.

Тайник был за ней.

Посветил внутрь фонарём.

Ниша изнутри была такая, какой я её помнил. Металлические стенки, покрашенные серой краской. Потолок низкий, но не настолько, чтобы нельзя было стоять — чуть пригнувшись, я помещался в полный рост. Размер — примерно три метра в длину, два в ширину, глубина метра в полтора. За пять лет я возил в ней всякое. Ядра старых реакторов, тяжёлые, упакованные в свинцовую обёртку, из-за которых пол под нишей прогибался и требовал регулярной проверки. Ящики с оружием. Бочки с химией, запечатанные так плотно, что даже мне снаружи ничего не пахло. Один раз — длинный узкий контейнер с чем-то, что старик назвал «архив», и я не спросил, чьим архивом. Ниша была рассчитана на всё это. Она была рабочая.

Инспекторы её не нашли, хотя проходили мимо три раза. Я видел это по записям внутренних камер, когда они обходи-

ли технический уровень с младшим досмотровым сканером. Объём ниши на общих чертежах корабля не значился — по официальным бумагам в этом месте шла обычная технологическая прослойка между резервуарами охлаждения, каких на корабле десятки. Стенки были сделаны из того же композита, что и окружающая обшивка, с той же плотностью — сканер, пройдя вдоль, показывал ровный монолитный участок, без полости внутри. Простучать её тоже было бесполезно. За стенками ниши с внешней стороны стояли трубы охлаждения с постоянно циркулирующей жидкостью — если простучать панель, звук уходил не в полость, а в эти трубы, и возвращался глухим, как от массы. Инспекторы слышали звук сплошной стенки, хотя за ней был пустой куб в восемь кубометров. Ниша была спрятана умно. Старик тратился на её изготовление не зря.

Но сейчас в ней не было ничего.

Ниша была пуста.

Я сел на пол коридора, прямо перед открытой панелью.

Сидел и разбирал в голове всё, что знал.

Три дня назад на базе я видел, как двое погрузчиков закрывают внутреннюю панель и ставят пломбу. Я видел их руки на этой панели. Я слышал их слова: «груз в нише, живой, в капсуле с жизнеобеспечением».

Но я не видел, как в нишу ставили капсулу. Я пришёл в тот момент, когда её уже закрывали.

Я принял на веру.

Поверил, потому что так у нас было устроено. Погрузчики ставят груз в нишу, закрывают внутреннюю панель, пломбируют, зовут капитана, показывают пломбу. Капитан не вскрывает, капитан везёт. На месте назначения груз забирают специальные люди. Капитан только передаёт. Капитан — курьер, который не трогает посылку.

Эта схема работала. Она работала во всех моих рейсах до этого. Я был уверен, что она работает и сейчас.

И вот я сижу перед нишей, в которой нет капсулы, и сжимаю в руке сорванную пломбу — идеальную, настоящую, но поставленную на пустоту.

Я сидел на полу перед открытой панелью, и у меня в голове начинала работать та часть, которую я обычно держал выключенной.

Раб не думает. Раб делает. Это одно из первых правил, которое вбивают в человека, лишённого выбора, думать значит замечать, замечать значит страдать, страдать значит сломаться раньше, чем нужно. У меня эта часть была отключена почти всю жизнь. Даже когда старый пират вытащил меня и учил меня думать, я думал прикладно — как ответить инспектору, как обойти таможду, как не дать себе выдать лицом то, что не должно выдаться. Я не думал вширь. Не строил картин. Не перебирал варианты.

Сейчас я перебирал.

Нужно было начать с начала.

Груз — живого человека — вывели из третьего корабля

на ногах, не в капсуле.

Я видел это своими глазами. Фигура шла сама. Медленно, с поддержкой, но шла. Из капсулы жизнеобеспечения просто так не встанешь и не выйдешь — капсула это сон, глубокий, медикаментозный, тело расслаблено, мышцы теряют тонус, сознание мутное.

Значит, ее разбудили.

Было два варианта.

Первый — врач. Антидот, грамотный вывод, час-полтора, и человек приходит в себя настолько, что может двигаться. У таможни скорее всего есть свои медики для таких случаев, — живой контрабандный груз — не новость, и у инспекторских групп должны быть люди, которые умеют работать с капсулами. Это стандартная процедура.

Второй — сама капсула. Некоторые капсулы делаются с автоматическим пробуждением — защита на случай аварии, разгерметизации, внезапного вскрытия. Если капсулу открывают не те, кто должен, она сама начинает выводить человека из сна, чтобы он не умер в чужих руках. За час успевает поднять его настолько, чтобы он был жив и на ногах. Не в лучшей форме, но двигался.

Таможня могла бы не вскрывать капсулу прямо на месте. Могла бы увезти её закрытой, целиком, со всем содержимым, и разобраться потом, у себя в штабе. Но в Эпитафном контуре порядок другой. Когда находят капсулу с живым грузом, её вскрывают сразу, на борту досматриваемого

судна, потому что по их протоколу человек внутри должен быть идентифицирован и оформлен на месте. Не как груз. Как жертва.

Это важная разница. Закрытая капсула — это ещё неизвестность. Внутри может быть живой, может быть мёртвый, может быть вообще не человек, а оборудование. А вскрытая капсула с живым человеком — это уже протокол.

«Обнаружен живой объект, признаки насильственной перевозки, принят под защиту контура, начато расследование». Эта запись нужна таможене сразу. Она даёт им право работать с ним как со свидетелем, а не как с арестованным. Даёт ему временный статус, какие-то бумаги, медицинскую помощь. А таможене — повод предъявить экипажу третьего корабля статью о незаконной перевозке живого человека, которая тяжелее любой другой контрабандной статьи.

Поэтому они и вскрыли капсулу прямо там. Поэтому я увидел на экране, как фигуру выводят на ногах, а не как груз увозят в закрытом ящике. Они сами разбудили товар, чтобы оформить на месте.

Это сходилось, и теперь он свидетель. А свидетели в таких делах страшнее, чем груз.

Нехорошо.

Я начал думать дальше.

Почему капсула оказалась на третьем корабле, а не у меня.

По моим прошлым выводам было два варианта.

Капсулу вывели люди старика и перепогрузили её в тре-

тий корабль, оставив мне пустую нишу и не поставив меня в известность.

Либо это сделал кто-то другой, за спиной старика, и вот там начинались большие сложности.

Первый вариант — Старик.

Второй вариант — Недоброжелатели.

Начну с первого.

По всему, что я знал о схеме старика, главный корабль — мой — должен был везти самое ценное. Всегда. У меня было самое надёжное судно, самое чистое лицо, самые лучшие документы. Ценный груз шёл со мной. Так было все эти годы, и так должно было быть сейчас.

Значит, произошло что-то, из-за чего старик изменил план. В последний момент, перед самым вылетом или даже в процессе погрузки, он переложил капсулу с моего корабля на третий. А мне оставил пустую нишу с plombой, чтобы я не заметил и не сорвал его план.

Вывод простой, если он это сделал целенаправленно, и это выяснилось только сейчас — вариант один.

Крыса.

Я сидел и катал это слово в голове. Крыса в моём экипаже, в двух других, вышестоящая, на таможне? Значит старик догадывался или чуял угрозу. И именно поэтому не стал рисковать. И, если крыса уже сдала наш маршрут и товар, то в случае ареста возьмут не мой корабль или меня, а второстепенный.

Крыса, если она была, видела обычное поведение обычного капитана с обычным рейсом. И передала своим то, во что верил я сам. Что главный корабль везёт капсулу. Все по плану. Старик ничего не подозревает.

Если бы все узнали о перестановке груза, это могло спугнуть крота, и мы бы прошли наш обыкновенный маршрут без проблем, а он бы затаился, или его бы и вовсе поменяли те, кто его сюда заслал.

Нас сдали — значит, крыса существует. Старик был прав, при этом сохранив свой главный корабль и меня, но пожертвовал второстепенным.

А если бы не сдали, и крысы не существует? То тогда по прибытию, он бы просто сообщил, что груз находится в другом корабле, и заказчик в любом случае его получит.

Все в безопасности.

А если старик не знал, и это сделали без его ведома? Например, подкупили погрузчиков или команду третьего?

Кто это мог бы быть в таком случае?

Варианта два.

Сам заказчик и конкуренты.

Нас сдали — значит, план сработал. Результат тот же.

Вариант первый — заказчик.

Человек, который заказал эту перевозку. Кто он, я не знал — старик никогда не знакомил своих капитанов с заказчиками, это было одно из его железных правил. Но я знал схему оплаты. Половина вперёд, половина по доставке. Если груз

не доходит — вторая половина не платится. Если рейс проваливается — старик обязан вернуть первую половину или заменить груз. Либо заказчик хотел деньги обратно, либо второй такой же живой груз, который должен будет раздобыть старик и отправить ему, причем бесплатно.

Заказчик мог сам организовать провал. Заплатить первую часть, и, узнав о провале, затребовать её обратно, в то же время получив свой живой груз через таможду, если у него все проплачено. К тому же, в этом случае он мог прекратить со стариком отношения из-за провала, перейти к другому перевозчику, если бы он этого захотел. Такие ходы в этом мире не редкость.

Это была сложная схема. Слишком сложная для обычного заказчика. Обычный заказчик хочет груз, платит за груз и не связывается со своими поставщиками, себе дороже. Чтобы сдать старика, заказчик должен быть крупным игроком, у которого свои счёты в этом контуре, свои связи, своё желание подорвать старика.

Такие заказчики у старика бывали. Я помнил два или три рейса, где чувствовалось, что с той стороны сидит не просто покупатель, а кто-то с весом. Но всегда эти рейсы проходили без проблем. Старик умел работать с такими. Не похоже было, что в этот раз что-то поменялось. Я оставил этот вариант как возможный, но маловероятный. Слишком сложно. Слишком много допущений.

Вариант второй — конкуренты.

У старика были конкуренты. Большие и малые. Старые и новые. В этом секторе пиратство не одиночное дело, а сеть, и в сети всегда есть те, кто хочет занять чужое место. Старик держался давно, но каждый год появлялись люди, которые хотели подвинуть его с его позиции.

Конкурент по такой же схеме, как и заказчик, мог подкупить команду, получить информацию о рейсе и сдать её таможене.

Мотив простой — подорвать репутацию старика, сорвать крупный заказ, вывести из строя один из его кораблей и команду. Плюс, если заказчик был серьёзным, после провала он бы перешёл к другому перевозчику — возможно, именно к тому конкуренту, который всё и устроил.

Но тут был один нюанс. Все знали, как работает структура. Знали, что главный корабль — это я, и что меня купить нельзя. Меня нельзя было ни шантажировать, ни перекупить, ни завербовать. У меня не было рычагов, за которые можно было бы дёрнуть. Я был обязан старику жизнью, и об этом знали все, кто в этом мире хоть что-то знал. Попытки зайти ко мне бессмысленны — я бы сдал их старику в первую же встречу.

Значит, конкуренты — если это были они — не стали пытаться купить меня. Они пошли к тому, кого можно было купить. К команде третьего. Товар обязаны были обнаружить. Но на своем корабле я бы этого не позволил.

Команду третьего могли купить как конкуренты, так и за-

казчик Они договорились с погрузчиками за спиной старика и тайно переправили груз себе.

Капитан третьего не такой, как я. Он не был любимчиком, он не обязан старику жизнью, он работал за деньги. Обычный наёмный капитан. Таких у старика было много, они быстро меняются, их легко заменить. Команда третьего тоже обычная, шесть человек, собранных стариком из тех, кто был под рукой. Их старик менял регулярно, и они это знали. Они знали, что рано или поздно их спишут — или на провале, или в чистке, или просто по решению старика, когда им придёт срок.

К таким людям можно прийти и предложить сделку. Сдайте маршрут. Откройте тайник перед проверкой. Сотрудничайте с таможей. Взамен — деньги. Или паспорта контура, которые дают таможни тем, кто сотрудничает. Или амнистия по прошлым делам, если на ком-то из команды что-то висит. Или просто выход из структуры старика, чистый, с бумагами и новой жизнью. Из пиратства просто так не выходишь. Захотел — ушел. Тут так не работает. Если тебя наняли и ты согласился. То твоя судьба под контролем.

Команда третьего — я представил их себе, всех шестерых, — могла на это пойти. Они устали. Они знали, что старик их не бережёт. Они понимали, что в какой-то момент их всё равно спишут. Лучше списать себя самим, на своих условиях, с паспортом и деньгами на руках, чем ждать, когда старик решит без них.

Эта версия объясняла всё. Если моя догадка верна, то тайник нашли сразу, потому что конкуренты/заказчик через команду передали координаты таможне. Команду вывели спокойно, без сопротивления, потому что они знали, что их будут выводить, это было частью сделки. Живого человека из капсулы вели бережно, под локоть, потому что он теперь не контрабандный груз, а «жертва», и работа с ним идёт по другому протоколу.

Всё сходилось. Но «сходилось» не значит «так и было». Я это понимал.

Я сидел и смотрел на сорванную пломбу в своей руке.

Если я прав, то шесть человек на третьем корабле, шесть человек, были не жертвами системы. Они были игроками. Они сыграли свою партию в этом рейсе. Сейчас они сидят в таможенной капсуле и ждут, когда им оформят бумаги. Паспорта, амнистию, новые имена. Уйдут в Эпитафный и начнут новую жизнь.

А может, я был не прав. Может, они действительно обычная команда, которую взяли вслепую, и сейчас они сидят, ничего не понимая, такие же потерянные, как я. Я этого знать не мог. Я строил версию, и версия была логичная, но логичная версия — это не правда. Это просто версия.

Я никогда не узнаю наверняка. У меня не будет возможности спросить у них. Если их отпустят с паспортами — они уйдут в Эпитафный, и я их больше не увижу. Если их посадят — они сгниют где-то на рудниках, и их ответы тоже

останутся при них.

Я сидел на полу и понимал, что я до сих пор не понимаю, в какой игре я живу.

Я сжал plombу в кулаке до того, что металлический край впился в ладонь, и отпустил. На ладони осталась красная метка. Я смотрел на неё и думал — это единственное, что у меня есть своего в этой партии. Красная метка от чужой plombы.

В наушнике щёлкнуло.

— Капитан?

Глава 6

— На связи.

— Нам сообщение от таможни через официальный канал.

Круговой досмотр каравана. Всем нашим судам — оставаться на местах, двигатели не запускать, ждать повторной стыковки. К нам уже идут. Инспекторская группа и ещё кто-то, в другой форме.

Я молчал.

— Капитан. Слышите?

— Сколько до стыковки?

— Минут десять.

— Понял. Сейчас поднимусь.

Связь оборвалась.

Десять минут. У меня было десять минут, чтобы закрыть нишу, подняться на мостик и встретить людей, которые сейчас придут меня допрашивать. Чистого капитана с хорошим грузом и хорошими документами, перевозчик в пиратской структуре.

Я вдохнул. Выдохнул.

Я сидел ещё секунду и думал об этом слове.

Пират.

Я сидел ещё секунду и думал об этом слове.

Несколько лет назад, когда меня только вытащили со станции, и старик закончил со мной обучение, я не был ни капи-

таном, ни перевозчиком. Я был никем. Целый год я учился говорить, читать, держаться за столом, смотреть в глаза — всему тому, чего раб не умеет и чему свободный учится с пелёнок. Когда я закончил обучение, и старик должен был куда-то меня определить.

Он определил меня на захваты.

Я никогда не спрашивал почему. Думаю, просто было свободное место. У него в той группе только что убили одного, убили довольно глупо, не в бою, а в драке на базе из-за денег, — и нужен был человек на замену. Меня поставили. Я не возражал. Меня и не спрашивали.

Группа захвата — это шесть-семь человек на маленьком быстром корабле. Ходили не под флагом старика, а без флага, на судне без номеров. Приближались к цели, глушили её связь, стыковались насильно или высаживались в шлюз через резку, заходили внутрь, брали экипаж, брали груз, уходили. Если экипаж сопротивлялся — убивали. Если не сопротивлялся — связывали и оставляли на борту, чтобы их нашли позже. Старик не любил лишних трупов. Трупы привлекают внимание. Связанные и живые не привлекают, а если потом и расскажут — их рассказы успеют устареть, пока доберутся до нужных ушей. Старик умел растягивать время между преступлением и оглаской так, что к моменту, когда кто-то начинал искать, искать было уже некого.

В той группе я был младшим. Самым молодым, самым новым, с самым чистым лицом. Оружия мне не давали. Глав-

ный группы — его звали Хранч, и я запомнил это имя на всю жизнь, потому что оно было первым именем, которое я узнал после своего обучения, — Хранч сказал мне в первый день: «Ты мне нужен не для стрельбы. Ты мне нужен для входа. Посмотри на себя в зеркало. Ты выглядишь как мальчик, которому нужна помощь. Ты будешь стоять первым».

Я стоял первым.

Это работало так. Когда мы подходили к кораблю-цели, я выходил в шлюз один, с поднятыми руками, без оружия. Просил пропустить на борт. Говорил, что у нас авария, что у меня ранен напарник, что мне нужна помощь, что я заплачу. Меня пускали. Не всегда, но чаще, чем нет. Я выглядел так, что в меня верили. Молодое лицо, ровная речь, чистые руки, никаких татуировок, никаких шрамов на видимых местах. Я заходил в шлюз жертвы, и за мной через минуту заходили остальные, уже с оружием и уже не спрашивая.

За полгода я участвовал в четырёх захватах. Каждый из них я помню так, как человек помнит вещи, которые не хочет помнить — подробно, непрощено, не уходя.

Первый был на окраине. Мелкое торговое судно между двумя малыми станциями, возившее семена зерновых для какой-то аграрной колонии. Не самая богатая добыча, но старик хотел посмотреть, как я сработаю в деле, и первый раз всегда давали простое. Экипаж у торговца был семейный — муж, жена, двое взрослых сыновей и пожилой механик. Я это узнал потом, из доклада Хранча. Пока заходил, я не знал,

кто там. Я видел только шлюзовую камеру, а за ней — узкий коридор с неяркими лампами.

Мне открыл младший сын. Парень примерно моего тогдашнего возраста — может, двумя годами моложе. Он посмотрел на меня через смотровое окошко шлюза, увидел моё лицо, услышал мою легенду про аварию и раненого напарника, и открыл. Отступил в сторону, чтобы я мог войти. Сказал «заходите», и голос у него был тихий, даже с сочувствием. Через минуту после меня в шлюз зашли наши. Стреляли двое.

Младший сын упал первым, потому что стоял ближе к двери. Его взяли одним выстрелом. Я видел, как он упал, — он ещё не понял, что происходит, на его лице осталось то же выражение, с которым он мне открывал. Сочувствие и любопытство. Страха не было. Страх не успел прийти.

Я стоял в углу и смотрел в стену. Я видел в боковом зрении, как падает мать. Она успела закричать, но крик оборвался на середине. Потом встретили сопротивление от отца — у него оказалось старое охотничье ружьё, и он успел выстрелить один раз, прежде чем его самого сняли. Кого он подстрелил — Гастру, второго нашего, — я видел, как Гастр зажимает плечо и ругается. Остальных — пожилого механика и второго сына — связали и оставили сидеть у стены. Старший сын смотрел на младшего, лежавшего на полу, и плакал без звука. Он плакал, пока мы выносили груз. Его никто не трогал. Он не сопротивлялся. Он просто плакал.

Мы забрали груз и ушли. Семена были плохие, оказалось — сорт, который в этом сезоне упал в цене. Старик потом ругался, что не стоило тратить силы. Я не забыл это судно за столько лет. Я помню имена членов экипажа, хотя их никто не называл, — я их прочитал потом в перехваченной регистрации, ночью, один, в своей каюте. Я не знаю, зачем я их читал. Может быть, чтобы знать точно. Может быть, чтобы не было иллюзии, что я кого-то там не тронул. Я их тронул всех. Младшего я убил своим лицом. Он открыл дверь мне, и умер за то, что мне поверил. Старик не любил трупы, но в первый раз он захотел проверить мою реакцию на смерть.

Я запомнил её на всю жизнь.

Второй захват был через три недели после первого.

Склад на безымянной станции. В этот раз не корабль — станция. Мы прилетели на своём судне, пришвартовались по поддельным документам, которые были лучше настоящих, и вошли на внутренний уровень склада. Там хранили охотничье оружие большими партиями, и старик давно хотел его получить. Охраны у склада было трое, все старые, все скупающие, все привыкшие, что на этом уровне никогда ничего не происходит.

Я зашёл к ним первым, сказал, что я с внеочередной проверкой, что у меня бумаги в руке, — и показал им пустой конверт. Они поверили. Они всегда верят, когда молодой парень с правильной речью приходит с бумагой. У них в сутки по двенадцать человек проходит с бумагами, они уже не чи-

тают, что в этих бумагах. Один из охранников — старший, седой, с добрым лицом — подошёл посмотреть. Его взяли сзади, зажали рот, увели в подсобное помещение. Оттуда он не вышел. Не знаю, убили его или оставили связанным и живым. Я тогда не стал спрашивать. Других двух — молодого и среднего — связали в коридоре, замотали скотчем рот и посадили у стены.

Когда мы выносили груз — ящики с охотничьими карабинами, с патронами, с прицелами, — я проходил мимо двух сидящих у стены, и младший из них смотрел на меня. Прямо в глаза. Рот был замотан, но глазами он говорил со мной. Я не понял, что именно — или не хотел понять. Может, «зачем». Может, «я тебя запомню». Может, просто «я ещё жив». Я отвёл взгляд и пошёл дальше. Этот взгляд я потом лет пять вспоминал. Потом перестал. В памяти он всплывал постоянно, но я научился не вспоминать.

Третий захват был самым тяжёлым, и именно после него я понял, что долго я в этой группе не выдержу.

Грузовое судно. Большое, не мелочь, как первое, — настоящий грузовик-восьмёрка, с экипажем в двенадцать человек, с охраной в четыре автоматных ствола, с собственным лёгким оружием на борту. Старик шёл за этим кораблём несколько месяцев. Груз, который он вёз, был важен — медицинские препараты из центральных миров, за которые на окраинах платили впятеро, и по объёму это было столько, что один такой захват окупил бы полгода работы всей струк-

туры. Поэтому группу расширили. Нас было не семь, а двенадцать. И мы шли не на простой захват, а на бой.

Мне, как всегда, дали роль входа. Я подошёл к их шлюзу с поднятыми руками, и в этот раз я не говорил про аварию — для такого судна это было бы несерьёзно. Я говорил, что я с таможенной службы и у меня срочная проверка по наводке. Легенда была слабая, но у меня было лицо, которое её вытягивало. Меня пустили.

Внутри, когда наши зашли за мной, бой начался сразу. Охрана была не спящая, ребята опытные. Они успели поднять тревогу, успели взять оружие, успели занять позиции в коридорах. Мы прорывались с кровью. наших положили двоих — одного сразу, другого через минут пять. Их убили шестерых из двенадцати, включая двух пассажиров, которых у нас не было в плане брать, но они выскочили в коридор из своих кают и попали под стрельбу. Одна из них была женщина, и она кричала долго, пока кто-то её не добил. Я слышал этот крик.

Я стоял в стороне, у шлюза. Меня не посылали в коридоры, я был без оружия и без подготовки. Моя задача была стоять в шлюзе и держать его открытым на случай отступления. Я стоял и слышал. Выстрелы, крики, звук бегущих ног, глухой удар тел об пол. Я стоял и дышал через нос, медленно, так, как меня учили в шахтах, когда было страшно и надо было не дёргаться. Дыхание через нос помогает. Пыль оседает в носу, а не в лёгких, — этому меня учил Тихий, и я

теперь применял его уроки не в шахте, а в шлюзе пиратского захвата. Иронии я тогда не заметил. Потом заметил.

Мы взяли груз. Медицинские контейнеры, большие, тяжёлые, стандарта центральных миров. Старик был доволен. Хранч говорил с ним по связи, и старик, кажется, первый раз за те три месяца, похвалил работу. Он сказал: «Мальчик работает». Меня он назвал мальчиком. Я тогда не знал, что это слово за мной закрепится, что старик будет звать меня мальчиком ещё пять лет, пока однажды, не увидит во мне взрослого.

После третьего захвата я проспал двое суток подряд. Усталости не было, я не бил, не бегал, не стрелял. Я просто стоял у шлюза. Но у меня внутри что-то выключилось, и я спал, и не мог проснуться, и когда Хранч пришёл меня будить, я просил ещё час, ещё час, ещё час. Он оставлял меня. Он понимал. Он сам когда-то начинал так же.

Четвёртый захват был последним.

Маленькое частное судно. Богатая пара с какой-то внутренней планеты, летели в отпуск на курортный мир, взяли с собой драгоценности, деньги наличными, дорогие вещи. Старик узнал про них через кого-то из своих людей на той внутренней планете — кого-то, кто видел, как они собирались, и понял, что стоит наводки. Захват был простой, почти как первый. Экипаж — двое пилотов и ещё двое в обслуживании. Пара — муж и жена, лет под шестьдесят, обоим. Они путешествовали без охраны, потому что не ожидали.

Я зашёл первым. Моя легенда была — техническая поломка, попросить помощи. Я выглядел убедительно. Мне открыл их стюард, пожилой человек, который служил им, видимо, много лет. Он открыл, посмотрел на меня, и в тот момент, когда наши зашли за мной, он начал кричать. Не от страха. От возмущения. Он кричал, что мы не смеем, что они уважаемые люди, что на них найдут управу. Его застрелили сразу, не слушая. Он упал у моих ног.

Пара — муж и жена — были в салоне. Они обедали. На столе у них стояло вино, настоящее, не то, что в контурных магазинах продают. Жена первая увидела нас и вскрикнула. Муж встал и попытался что-то сказать, но его не стали слушать. Им сказали лечь на пол, и они легли. Их обыскали, забрали всё — драгоценности с жены, часы с мужа, наличные из их сейфа, который они открыли сами, когда им приставили ствол к голове. Потом их связали и оставили в их же салоне, на том же полу, где они обедали. Их должны были найти через несколько дней, когда их хватятся на курорте.

Я стоял у двери и смотрел, как они лежат. Жена плакала тихо. Муж сжимал её руку. У них ничего не было друг у друга, кроме руки, и они её держали. Я смотрел на это и думал о том, что я не знаю, держал ли кто-нибудь когда-нибудь мою руку. Родителей я не помнил. В рабстве никто никого не держал за руку. У старика меня учили не держать никого, потому что привязанность — слабость. Я двадцать лет не знал, как это — когда кто-то держит твою руку, потому что

ему страшно. Я увидел это в первый раз у этой пожилой пары, лежащей на полу своего салона, связанной, обобранной.

Когда мы выходили, я оглянулся. Они всё ещё держались за руки. Муж что-то шептал жене — какие-то успокаивающие слова, я не слышал какие. Я вышел в шлюз, и за мной закрылась дверь.

На корабле обратно я сидел в углу и не разговаривал ни с кем. Хранч подошёл ко мне через час, сел рядом и сказал: «Ты в порядке, мальчик?» Я кивнул. Он посмотрел на меня, подумал и сказал: «Ты не в порядке. Это нормально. Первые полгода у всех так. Потом проходит». Я снова кивнул. Он ушёл.

У меня не прошло. Я не говорил об этом Хранчу, не говорил старику, не говорил никому. Но внутри у меня что-то встало поперёк, и я знал, что если я пойду на пятый захват — я сорвусь. Либо замёрзну в шлюзе и не смогу войти, либо скажу что-нибудь не то, либо сделаю что-нибудь не то, и меня убьют за это свои же. Я понимал, что мне надо уходить из этой группы. Но как — не понимал. Рабов — а я всё ещё был рабом, просто не звался так, — не спрашивают, где они хотят работать.

Судьба решила за меня.

Глава 7

Через две недели после четвёртого захвата у старика пропал человек. Не кто-нибудь, а его главный перевозчик — тот, кто возил все самые важные грузы между контурами, тот, кто знал маршруты и пароли, тот, на ком держалась половина дел. Его звали Толь, я его видел несколько раз на базе, он был высокий, сутулый, с тихим голосом, лет сорока. Старик называл его «мой возчик». Просто и без фамильярности — как называют инструмент. Толь был инструмент, которого нельзя заменить.

И вот он исчез.

Это случилось между одной базой и другой. Толь должен был перегнать пустой корабль по внутреннему маршруту, на сутки хода, и приехать к утру. Он не приехал. Корабля не нашли. Ни его, ни обломков, ни сигналов бедствия. Ничего. Толь просто испарился вместе с кораблём где-то в пустом секторе, где нет систем, нет станций, нет связи, и никто не видел, как это произошло.

Старик искал его две недели. Послал людей по всем возможным направлениям, поднял связи, обещал награду. Не нашёл.

Может, Толь сбежал. Такое бывает — человек устаёт, копит деньги, однажды берёт корабль и уходит в окраинные контуры, где его никто не найдёт, и живёт там до смерти под

чужим именем. Но Толю было сорок, и он у старика работал пятнадцать лет, и у него с виду все было хорошо, странно было бы сбегать сейчас. Может, его перекупили. У старика было много врагов, и перекупить его главного перевозчика было бы сильным ходом. Но тогда бы Толь объявился где-то в другом месте, и старик бы об этом узнал. Не объявился. Может, с ним просто что-то случилось в дороге — отказ двигателя, случайное столкновение, что-то, о чём не приходит сигнал. В пустом секторе корабль может исчезнуть без следа, и никто никогда не узнает.

Я никогда не узнал, что с ним произошло. Старик, наверное, знает. Он всегда в конце концов узнаёт. Но он мне не говорил, а я не спрашивал.

Важно было одно: место главного перевозчика освободилось.

И старик подумал обо мне

Не сразу подумал. Сначала он искал замену из тех, кто уже работал перевозчиком — у него были вторые, третьи номера в этой части дела, но они не тянули на главного. Никто из них не знал всей сети, никто не был достаточно надёжен, никто не был достаточно неприметен. Толь был особенным. Его нельзя было заменить тем, кто уже есть. Надо было взять нового — и воспитать.

Старик позвал меня к себе на второй неделе после исчезновения Толя.

Я помню тот разговор почти дословно. Он проходил в его

кабинете на базе, том, куда он меня позовёт потом ещё сотни раз за следующие семь лет — перед каждым рейсом, для инструкций. Кабинет был простой, без роскоши, с большим столом и окном на ангар. Старик сидел за столом, я стоял напротив. Он посмотрел на меня долго, как он умеет смотреть, — десять, пятнадцать секунд, пока тебе не становится не по себе.

Потом сказал:

— Мальчик, ты не тянешь на захваты.

Я молчал.

— Хранч мне сказал, что ты хорош, но тебя не хватит надолго. Говорит, ты сломаешься через пять-шесть раз. Он в этом разбирается. Я ему верю.

Я снова молчал. Я не знал, чего старик хочет — услышать моё согласие, моё несогласие, моё объяснение. Я давно научился: если не знаешь, чего хотят, — молчи.

— У меня ушёл Толь. Ты знаешь, кто такой Толь?

— Знаю.

— Мне нужен новый перевозчик. Главный. На его место.

Я понял, что старик мне предлагает. Точнее, не предлагает — сообщает. В этом мире старик не предлагал ничего. Он только сообщал, и надо было принимать.

Но я всё равно сказал:

— Я не умею водить корабли. Я не учился.

— Знаю, что не учился. Научись. Год на практике. Потом — свой корабль.

— А если я не справлюсь?

Он посмотрел на меня ещё раз, и его лицо стало таким, каким я его видел только однажды — в день, когда он меня забирал из канализации. Тихим, без эмоций, очень внимательным.

— Если не справишься, мальчик, я тебя отдам обратно.

Он не уточнил, кому обратно. Я понял и без уточнений. Обратно — туда, где он меня нашёл. На нижние уровни, в трубы, в воду с волосами и жиром, в тот костюм с плохими швами, в ту жизнь, из которой он меня вытащил. Это был его способ напоминать, что свободу он мне не дал, а одолжил. В любой момент может забрать.

— Я справлюсь, — сказал я.

— Вот и хорошо.

На этом разговор кончился. Через два дня меня сняли с захватов. Хранч, когда я уходил, кивнул мне на прощание и сказал: «Тебе повезло, мальчик. Иди». Я ушёл. Я больше никогда его не видел. Через два года я услышал, что его убили в каком-то захвате на дальних окраинах — попали в засаду, и группа не вернулась. Я не знаю, правда ли это. Я никого из старой группы с тех пор не встречал.

Начался год практики.

У старика было трое или четверо перевозчиков среднего уровня — не такие, как Толь, но рабочие. Они возили грузы по средним маршрутам, не самые ценные, не самые рискованные. Меня прикрепили к одному из них — человеку по

имени Вольт. Он был лет пятидесяти, невысокий, полный, с манерой постоянно что-то жевать, даже когда во рту ничего нет. Челюсти у него двигались сами. Он возил по окраинам уже двадцать лет и знал все уловки, все обходные пути, все способы заговорить таможеннику зубы.

С Вольтом я сделал, наверное, рейсов пятнадцать за тот год. Сначала просто рядом — сидел на мостике, смотрел, как он работает, слушал, как он говорит с инспекторами. Потом он начал поручать мне простые задачи — заполнить накладную, проверить контейнеры, пообщаться с младшим инспектором, пока Вольт сам разбирался со старшим. Постепенно я делал больше. К концу года я уже мог провести простой рейс сам, под его наблюдением.

Вольт был хороший учитель. Не добрый — добрых у старика не держали, — но справедливый. Он объяснял толково, не кричал, не бил, не унижал. Он говорил: «Мальчик, твоя работа — быть невидимым. Таможенник не должен тебя запомнить. Если он на следующий день не может вспомнить твоё лицо — ты хорошо поработал. Если помнит — ты провалил рейс, даже если он тебя пропустил». Я это запомнил. Это было правило, которое я потом соблюдал все годы.

Ещё он говорил: «Перевозчик — это не пилот, не механик, не капитан. Перевозчик — это человек, который знает, как груз попадает из точки А в точку Б без приключений. Всё остальное вокруг — декорация. Твой корабль, твой экипаж, твои бумаги — всё это служит одному: чтобы груз до-

шёл. Ты сам себе не принадлежишь в рейсе. Ты принадлежишь грузу». Это тоже было правило, и я его соблюдал — пока сегодня не узнал, что груза у меня нет, и я, получается, принадлежу пустоте.

К концу года практики старик решил, что я готов. Мне дали первый корабль.

Это был старый грузовик среднего класса, лет пятнадцати от постройки, с потёртой обшивкой, скрипящими дверями, плохо работающей системой климата. Он назывался «Борак» — странное имя, непонятно откуда взятое, я никогда не спрашивал. Экипаж у него был маленький, четыре человека. Старик подобрал их сам, я их не выбирал. «Борак» возил химию по окраинам — простую, не самую опасную, без живого груза, без запрещёнки высокого уровня. Это была работа для новичка, чтобы набил руку и не провалил что-то важное.

Я ходил на «Бораке» полтора года. За это время я сделал около двадцати рейсов. Ни одного провала. Один раз меня чуть не взяли на таможне окраинного контура — инспектор что-то заподозрил по моим бумагам, и я минут сорок потел в своём кресле, пока он проверял и перепроверял. Потом всё-таки пропустил. В тот день я понял, что мне повезло, и что везёт так не всегда, и что мне надо работать лучше. Я стал работать лучше.

Через полтора года «Борак» списали — он уже еле ходил, двигатели требовали капитального ремонта, который не окупался. Меня пересадили на второй корабль. Тоже старый, но

получше «Борака». Он назывался «Третий такт», тоже непонятно откуда имя. Экипаж был уже побольше, шесть человек, грузы сложнее. На «Третьем такте» я ходил ещё полтора года. За это время я сделал около тридцати рейсов, и среди них уже были серьёзные — с живым грузом, с оружием, с данными, за которые старик получал большие деньги.

На «Третьем такте» я окончательно стал перевозчиком. До этого я учился. Теперь я работал. Разница была в том, что я перестал думать о процессе и начал думать о результате. Раньше я беспокоился, как правильно ответить инспектору, как правильно заполнить бумагу, как правильно держать лицо. Теперь я делал всё это автоматически и думал только о том, дойдёт ли груз, и когда мне заплатят.

После «Третьего такта» старик дал мне нынешний корабль.

Это было четыре года назад. Мне было двадцать три. Старик к тому моменту считал меня надёжным. Давал мне самые выгодные маршруты, самые чистые грузы, самые сложные задачи. Я был его любимчиком, и я это знал, и гордился этим, хотя гордость у бывшего раба — странное чувство, почти чужое.

Корабль, на котором я нахожусь сейчас, он дал мне как знак того, что я дорос. Это был шаг вверх. Не просто замена одного старого судна другим — это был новый класс, новое качество, новая ответственность. Когда я зашёл на него впервые и увидел, как мягко работают его двигатели, как чи-

сто в его каютах, как ровно ложатся мои руки на штурвал — я понял, что это награда. Старик меня наградил.

А сегодня я понял, что, может быть, это была не награда. А вложение. Красивый корабль с красивым капитаном — такой караван пропускают все таможни. Меня посадили на хорошее судно, чтобы я был лучшей витриной. Чем ценнее выглядит перевозчик — тем меньше вопросов у инспекторов. Я это понял только сейчас.

Но те четыре захвата у меня за плечами тоже были.

Я сидел на полу и думал — кто я сейчас по закону? Пират? Перевозчик? По какой статье меня будут судить, если на этой неделе всё сложится плохо, и я окажусь в той же капсуле, куда сейчас ведут шестерых с третьего корабля?

Если они копнут глубоко, найдут те захваты. Старик их замёл, как он замечает всё, но ничего не замечается до конца. Свидетели остались. Старший сын торговца, который плакал, когда мы выносили груз. Молодой охранник склада, который смотрел мне в глаза, пока я проходил мимо. Двое пилотов медицинского грузовика, которых мы оставили связанными, и они потом рассказали всё, что видели. Пожилая пара, которая лежала на полу своего салона и держалась за руки. Они все живы — наверное. Хотя бы кто-то из них. Записи с камер могли сохраниться где-то в архивах окраинных станций. Один-два имени, две-три даты — и меня привяжут к пиратским статьям, по которым в этом контуре дают пожизненное или не дают вообще, а вешают сразу.

Если не копнут — я перевозчик. Контрабандист. По этой статье в Эпитафном дают пятнадцать-двадцать лет на рудниках, в зависимости от объёма груза и наличия живого товара. Живой груз у меня по бумагам был, хотя по факту его не было. Это засчитают как пиратство, потому что везти живого человека против его воли — отдельная квалификация, и её добавляют к контрабандной. Двадцать пять лет, может, тридцать. До конца жизни, если я не силён телом, а я не силён.

И есть третий вариант. Если следственная группа, которая сейчас идёт к нам, копнёт совсем глубоко — и выйдет на старика, на его сеть, на всё, что за ним тянется, — меня могут попытаться перевербовать. Получить через меня выход на большее. Тогда статья не важна, важно будет, что я скажу. Старик это тоже знает. Поэтому, если меня возьмут и он решит, что я скажу лишнего, до допроса я не доживу. У него есть люди в Эпитафном, как есть люди везде. Человек в камере умирает легко — подушкой, уколом, едой. Это не обсуждается.

Я сидел и считал варианты.

Пиратом меня могли назвать за то, что я делал пять лет назад. Перевозчиком — за то, что я делал с тех пор. Между этими двумя словами была разница в несколько лет жизни и в способе смерти.

Но для следственной группы, которая сейчас стыковалась с моим кораблём, это всё было одно и то же. Для них я был

человек из пиратской структуры, везущий то, что нельзя возить. Как они это запишут в протокол — зависело от их настроя, от объёма найденного и от того, насколько у них сегодня хороший день.

Я встал.

Я всю свою жизнь учился держать лицо. В шахтах, на скотобойне, в канализации, потом на обучении у старика, потом в полгода на захватах — там особенно, — потом год на практике у Вольта, потом четыре года на своих кораблях. У меня за плечами был такой запас терпения, какого нет у большинства людей в моём возрасте. Мне было двадцать семь. По меркам свободного мира я был ещё молодой. По меркам того мира, из которого я пришёл, я прожил уже две жизни, и сейчас мне предстояло прожить третью.

Если не смогу собраться сейчас — значит, я не смог ничему научиться за двадцать семь лет.

Я мог.

Глава 8

Я закрыл внутреннюю панель. Пломбу, которую сорвал, сунул в карман — выбрасывать её на корабле нельзя, найдут при обыске. Потом разберусь, куда её деть. Закрыл внешнюю панель — нажал точки в обратном порядке, внутри щёлкнул механизм. Панель встала на место.

На ощупь — обычная техническая панель, как десятки других рядом. Шов чистый. Герметик ровный. Никаких следов того, что её только что вскрывали.

Я пошёл обратно.

Поднялся по лестнице.

Прошёл жилые каюты. Прошёл медотсек. Прошёл камбуз. Кока уже не было, доска с ножом лежала на столе, рядом — початая миска овощей. На плите что-то шипело.

Я не остановился.

На мостике было всё то же, что я оставил двадцать минут назад. Арис за консолью. Экраны с внешних камер. Второй пилот, сидящий в своем кресле. Таможенный узел справа, буферная зона слева, красный круг на третьем корабле. И четыре капсулы, идущие к нам от таможни.

Я подошёл, встал рядом с Арисом, посмотрел на экран.

Четыре капсулы были почти у борта. Расположены они были не треугольником, как обычно идёт стандартная инспекция, а растянуты по фронту — так ходят, когда собира-

ются брать борт под полный контроль. Я это видел раньше. Один раз, давно, когда на соседнем корабле в тот же порт пришла следственная группа и забрала экипаж в полном составе. Тогда тоже были четыре капсулы, растянутые по фронту.

— Я открою шлюз заранее? — спросил Арис. — Чтобы не было вопросов.

— Открой.

Он щёлкнул по клавише. На панели загорелась отметка: внешний шлюз разблокирован, готов к стыковке.

Я сел в капитанское кресло. Положил руки на колени.

До стыковки оставалось пятнадцать минут.

Я сидел и смотрел, как капсулы приближаются. Двигались они размеренно, без спешки. Им не надо было спешить. Я никуда не мог уйти.

Десять минут — это много. За десять минут человек успевает подумать о многом.

Я подумал о людях на третьем корабле.

Их было шестеро. Капитан, второй пилот, механик с длинными седыми волосами, молодой парень в первом дальнем рейсе, ещё двое, чьи имена я помнил, но не собирался называть про себя сейчас, потому что имя делает человека ближе, а мне нельзя было их сейчас подпускать близко. Всех их я знал.

Я знал также, что их не будут вытаскивать.

У старика был один принцип, который за пять лет я слы-

шал от него в разных формах, но всегда с одним смыслом. Пойманного не спасают. Если твоего человека взяли — он твой человек только на бумаге, и бумагу эту рвут в тот же день. Дальше это работа для других, которым платят за молчание, а не за верность. Старик не сорил деньгами на выкуп экипажей. Он сорил деньгами на новые экипажи.

Шестеро человек сейчас сидят в таможенной капсуле и знают, что их уже списали.

Я тоже знал.

Я не мог им помочь. Я не мог встать сейчас, запустить двигатели, подойти к их капсуле, вытащить их оттуда. Это было физически невозможно — таможенные силы смели бы меня за секунду. Это было также политически невозможно — это ударило бы по старику, а я работаю на старика.

Я мог только сидеть и считать, сколько из них увидит Ашвен. Ноль, по правилам старика. Ноль.

Молодому парню было девятнадцать. Я помню, как его брали в экипаж.

До стыковки девять минут.

Я вспомнил, как меня учили отвечать на допросах. Это было в том году обучения, сразу после похищения, когда меня учили быть капитаном. Кроме пилотирования, речи и манер, у нас был отдельный курс — как держаться на следственной стыковке. Старик учил этому лично, не через помощников. Видимо, это было для него важно.

Он говорил: когда тебя спрашивают, не думай о лжи. Лжи

выдать себя легче всего. Думай о правде, которую можно рассказать, не раскрывая остального. Отвечай коротко. Не добавляй деталей по собственной инициативе. Если не знаешь — говори «не знаю», это самая безопасная формулировка. Не кивай, когда тебе подсказывают. Не заполняй паузы. Пусть они заполняют.

Я помнил это всё.

Я также помнил, что он учил меня этому — чтобы я лучше защищал его интересы, а не свои.

До стыковки восемь минут.

Арис сидел рядом и молчал. Я посмотрел на него. Он был сосредоточен на своей консоли, проверял сигналы, следил за тем, чтобы все внешние каналы были в рабочем состоянии. Он не смотрел на меня. Он не знал, что я только что нашёл.

Или знал.

Я смотрел на Ариса и пытался по его лицу понять — он или нет. Он был сосредоточен, спокоен, нормален. Так выглядит человек, который сконцентрирован. Так выглядит человек, который не знает. Так же выглядит человек, который очень хорошо знает, как не показать, что он знает.

Я ничего не прочитал по нему. Это было нормально. Он был оператором связи, и работа у него такая — не показывать ничего лишнего.

До стыковки пять минут.

Я повернул голову ко второму пилоту.

Он сидел в своём кресле слева от меня, чуть позади, как

ему положено по расположению мостика. Смотрел на свою консоль — прокручивал параметры, сверялся с показателями стыковочных узлов, проверял, нет ли расхождений между нашими системами и сигналами приближающихся капсул. Обычная его работа в такой момент. Руки на клавишах, глаза на экране, плечи выпрямлены.

Я посмотрел на его лицо.

Он был на моём корабле всего два месяца. Старик прислал его в прошлую пересменку, взамен предыдущего, которого куда-то перевели — мне, как всегда, не объяснили куда. Новый пилот пришёл с документами, с рекомендациями, с опытом — всё как положено. Работал хорошо. За два месяца я не заметил за ним ни одной ошибки, ни одной лишней реплики. Ровный, тихий, дисциплинированный.

Старик часто менял мне людей. Это было его правилом — не давать экипажам обрастать корнями, не давать капитану привыкнуть к своим. За четыре года, что я ходил на этом корабле, через мой мостик прошло, наверное, человек двадцать только на позиции второго пилота. Одних брали на другие суда, других куда-то списывали, третьи просто исчезали из ротации, и я больше не слышал их имён. Я привык не спрашивать. Приходит новый — работаем. Уходит — прощаемся, если успеваем.

Раньше я думал, что эта текучка — просто способ старика держать людей в тонусе. Не давать им обрастать связями, чтобы они не могли договориться между собой за его спи-

ной. Классический приём — разделяй и держи на коротком поводке.

Теперь я подумал про это иначе.

Старик мог следить за мной, контролировать таким образом. Доверяй, но проверяй?

Человек старика на моём корабле мог быть не обязательно тем, кто сидит здесь годами. Наоборот. Если бы старик держал при мне одного человека долго, я бы давно его вычислил — по мелочам, по поведению, по реакциям. Но если людей меняют каждые несколько месяцев, я не успеваю приглядеться ни к одному. Новый приходит — я его изучаю первые недели, привыкаю, потом перестаю обращать внимание. А в это время он меня наблюдает. Через пару месяцев его убирают, и приходит следующий. Тот же цикл.

Все два месяца, что этот сидел рядом со мной, он видел меня каждый день. Слышал каждое моё слово. Смотрел, как я разговариваю с инспекторами, с экипажем, с самим собой вполголоса, когда думаю, что никто не слышит. За два месяца у него было достаточно времени, чтобы составить на меня отчёт.

А может и не составлял. Может, он просто пилот. Хороший, тихий, дисциплинированный, без задней мысли, и через месяц-два старик его снимет, потому что так устроена ротация.

Я смотрел на его лицо и пытался прочесть хоть что-нибудь. Он не поднимал на меня глаз. Был занят своим экра-

ном. Это было нормально — стыковка шла, и он обязан был следить. Это также было удобно для человека, который не хотел встретиться со мной взглядом.

Он мог не знать ничего.

Он мог знать всё.

Я не мог выбрать между этими двумя вариантами за то короткое время, что он был рядом.

Я смотрел ещё секунду. Он так и не поднял глаз.

Я отвернулся обратно к своему экрану.

Три минуты.

На экране капсулы почти подошли к борту. Стыковочные порты открывались, магнитные захваты выдвигались. Вспыхнула подтверждающая индикация.

Я положил руки на ручки кресла. Спина прямая, плечи расслаблены, взгляд не бегаёт. Именно такая посадка у человека, которому нечего скрывать.

У меня в кармане куртки лежала сорванная пломба со штампом старика.

В нише подо мной было пусто.

На третьем корабле справа от меня были шесть человек, которых уже списали.

Мой корабль был большой, дорогой, хороший. Мой экипаж был на месте. Моя ниша была закрыта, и никто, кроме меня, не знал, что я её сегодня вскрывал. Моя совесть была чиста ровно настолько, насколько я её удерживал чистой всю свою жизнь.

Я ждал.

Стыковка.

Раздался короткий металлический звук — магниты соединились с портом. Под полом прошла вибрация. На индикаторе сменился цвет с жёлтого на зелёный. Внешний шлюз открылся.

Они были на борту.

Арис не смотрел на меня. Знал он о подмене или нет — я так и не выяснил. Я не спросил.

Не время и не место.

Смысла в этом всё равно уже нет.

Сейчас каждый сам за себя. Впрочем, как и всегда.

Глава 9

Я сидел в капитанском кресле, не двигаясь.

Индикатор шлюза мигнул и сменил цвет на зелёный. Они зашли. Я видел на внутренней камере, как они выходят из стыковочного отсека — четверо в серой форме впереди, трое в тёмно-синей чуть позади. И сразу начинают тщательно осматриваться вокруг.

Я знал свой корабль наизусть.

Снаружи он был длиной около восьмидесяти метров, формой ближе к вытянутому веретену, чем к прямоугольнику, как делают на современных торговцах среднего класса. Обшивка из тёмно-серого композита, покрытая защитным слоем от микрометеоритов.

На корме — рабочие двигатели, два маршевых, четыре маневровых. На носу — обзорные иллюминаторы мостика и стыковочный порт. По бокам — четыре боковых порта для шлюзов и приёма капсул. Один сейчас был занят их капсулами. Другие три — в работе нечасто, только при погрузке и разгрузке.

По официальным чертежам — стандартный средний грузовик. По факту — мой дом. Я знал каждый поворот коридора, каждую вибрацию пола, каждый звук системы охлаждения на разных нагрузках. Я знал, где скрипит ступенька на лестнице к техническому уровню. Знал, какая дверь в каюте

экипажа закрывается чуть медленнее остальных. Знал, что вентиляция на третьей палубе по утрам гудит на полтона ниже, чем после полудня.

Сейчас по этим коридорам шли чужие.

А я ждал их на мостике. Он был небольшой — помещение круглой формы, чуть приплюснутое сверху, с низким потолком. По периметру — изогнутая консоль управления, на которой стояли четыре рабочих места: пилотское, навигаторское, связи и двигательной системы. Над консолью — главный экран, во всю ширину передней стены, разделённый на сектора. В каждом секторе — своя информация: внешние камеры, навигация, данные о грузе, телеметрия двигателей, статус таможенной процедуры. Свет на мостике был приглушённый, тёплый, ниже потолочных ламп — чтобы не отсвечивало в экранах. По стенам — узкие синие полосы аварийного освещения, которые включались при потере основного питания.

Пол был покрыт мягким покрытием тёмно-серого цвета. Шаги по нему почти не звучали. Это была одна из дорогих деталей — на дешёвых судах пол металлический, и слышно каждое движение. На моём — нет.

Кресло капитана стояло в центре. Чуть приподнятое на платформе, так что я смотрел немного сверху на остальные четыре места. Конструкция была удобная — анатомическая спинка, регулируемые подлокотники, под рукой справа панель быстрого доступа к основным системам. Ремни без-

опасности — стандартные, для манёвров с высоким ускорением. Сейчас они висели сбоку, неиспользованные.

По правую руку от меня сидел Арис, на месте оператора связи. Его консоль была развёрнута чуть в сторону капитанского кресла — так удобнее переговариваться. Я слышал, как он тихо дышит. Он не оборачивался. Знал, что лучше не отвлекать.

Слева сидел второй пилот. Гарт. Почему-то к его имени я привыкал довольно долго. Он был у себя на месте — за пилотской консолью, в полуметре от моего кресла. На корабле в режиме стыковки второй пилот всегда на мостике, это правило, которое не отменяется ни при каких обстоятельствах. Даже когда корабль уже стоит и магниты соединены, пилот следит за параметрами — за состоянием стыковочных узлов, за давлением в шлюзе, за телеметрией двигателей в режиме ожидания. Если что-то пойдёт не так, если придётся срочно отстыковаться или запустить аварийные процедуры, он должен быть готов нажать на нужные клавиши за секунды. Не за минуту — за секунды.

Гарт сидел, не нервничая, и смотрел на экран. На его панели передо мной мерцали зелёные индикаторы — все системы стыковки в норме. Двигатели в холостом режиме, готовы к запуску. Шлюз пристыкован, но не заблокирован с моей стороны, я мог отдать команду на отстыковку в любой момент, если бы понадобилось.

Он был на корабле всего два месяца. Невысокий, светло-

волосый, лет тридцати с небольшим, который много лет работал в разных секторах. Старик прислал его в прошлую пересменку, взамен предыдущего, которого куда-то перевели — мне, как всегда, не объяснили куда.

Документы у Гарта были в порядке, опыт большой. За два месяца я не заметил за ним ни одной ошибки.

Сейчас он сидел рядом. Я не видел его лица — он был чуть позади меня, видел только спину и часть профиля. Он не оборачивался ко мне. Знал, что лучше не отвлекать. Когда заходили иссаны, он коротко кивнул мне — через плечо. Я кивнул в ответ. Арис в этот момент сидел у консоли связи, но я видел в отражении на тёмной поверхности экрана, как он тоже чуть наклонил голову в сторону Гарта. Негласное подтверждение.

Эти кивки заняли две секунды, но дополнительно сплотили нас.

Мы готовы.

На внешних камерах я видел свой второй корабль. К нему подходили такие же четыре капсулы. Точно такие же. Я смотрел и думал — там сейчас то же самое, что у меня. Капитан второго сидит в своём кресле, ждёт, не понимает, что происходит. Его уже проверили, ничего не нашли, как и у меня. Значит, должно быть все чисто и в этот раз.

Я сжал левую ладонь, в которой не было пломбы. Правая держала пломбу через ткань кармана. Ткань тонкая, и металлический край диска прощупывался отчётливо. Я разжал

руку, положил её обратно на подлокотник. Не двигаться. Не показывать.

Из коридора донеслись шаги.

Шел не один человек. Шли несколько, с разной скоростью, разной тяжестью шагов. Я слушал и считал. Четверо в стандартной обуви — таможенники, с аппаратурой, по звуку у одного был кейс на колёсах. Трое в другой обуви — мягче, тише, без стука каблуков. Иссаны.

Они прошли мимо камбуза. Прошли мимо медотсека. Один раз остановились у развилки коридоров и обменялись короткими словами. Я услышал их через открытую дверь мостика. Шипящие звуки, мягкие, с придыханием. Иссанский язык.

Ещё через секунду они двинулись дальше.

Я их ждал, и всё равно, когда они вошли на мостик, у меня внутри что-то напряглось.

Первыми зашли таможенники. Четверо в стандартной форме Эпитафного — серой с тёмными вставками на плечах и груди. Куртки приталенные, по фигуре, с короткими стойками воротников. Брюки заправлены в высокие ботинки на мягкой подошве. У всех на левой стороне груди — нашивка с шевроном контура: три скрещённые линии на круглом поле, символ союза восьми планет Эпитафного. У старших на нашивках золотая окантовка, у младших — серая. У старших на правом плече дополнительная полоска — знак выслуги. У одного она была белая, у второго — чуть желтоватая, вы-

горевшая, давнишняя. Старший с желтоватой полоской был, видимо, самый опытный из четырёх.

Все четверо привычно прошли по мостику, как будто были тут много раз. Один сразу подошёл к консоли управления и встал рядом — не для проверки, а просто чтобы быть на месте, если понадобится. Двое младших с аппаратурой кивнули мне коротко и пошли дальше — в сторону жилых палуб. Они занимались досмотром.

Потом, через секундную паузу, на мостик вошли трое других.

Иссаны.

Я их видел вблизи впервые. Раньше — только издалека, на станциях контура, мельком. Сейчас они стояли в моём мостике, и я смотрел на них в полный рост.

Они были чуть выше меня. Стройные, без лишней массы — телосложение узкое, длинные конечности, тонкие запястья. Кожа бледная, почти алебастрового оттенка, без видимых пор. Под светом мостика она казалась прохладной на вид, как мрамор. Волосы у всех троих тёмные — у одного иссиня-чёрные, у двух других тёмно-каштановые. Прямые, сильные, у всех собраны сзади в низкий хвост. Лица узкие, скулы выраженные, носы прямые. Глаза фиолетовые. У старшего — тёмные, почти чёрно-лиловые, с густым отливом. У двух других — светлее, ближе к сиреневому. Радужка у всех троих занимала чуть больше места, чем у людей, и от этого глаза казались крупнее, внимательнее.

Форма у них была другая. Не серая, как у таможенников, а тёмно-синяя, плотного кроя, более строгая. Воротники-стойки выше человеческих, доходили почти до подбородка. На воротниках — серебряные полосы: у двух стоявших по краям — по одной, у среднего — две. Это знак ранга. У среднего — старшего следователя второго ранга. У боковых — рядовых сотрудников службы. Куртки доходили до бедра, они были с разрезами по бокам для свободы движения. Брюки прямые, тёмные, заправлены в высокие ботинки на тонкой мягкой подошве, почти бесшумной. На груди — герб контурной службы расследований: круг с восемью точками внутри, чуть меньше человеческой ладони. Эмблема не выпуклая, как у таможни, а вытравленная в ткани, видимая только под определённым углом. На запястье у каждого — узкий металлический браслет тёмного цвета. Похож на украшение, но я знал — это служебный браслет, идентификатор и связь одновременно.

В отличие от таможенников, у которых форма была подогнана к фигуре чуть свободно, у иссанов она сидела безупречно. Ни складки, ни лишнего шва. Одежда была сшита строго на каждого из них, по индивидуальной мерке. Это не дешёвая служба. Это служба, которая может это себе позволить.

Они стояли неподвижно, плечом к плечу, и смотрели на меня. Долго. Дольше, чем смотрят люди, когда заходят в комнату.

Я знал, что отводить глаза нельзя. У иссанов есть культурное правило — кто отводит глаза первым, тот сказал неправду или показал слабость. Это не только во время допроса, это норма их культуры. Но в нашем случае правило работало одновременно и как норма, и как давление. Они смотрели, и я смотрел в ответ. Тот, кто стоял по центру, со старшинским знаком на воротнике — двумя серебряными полосками, — наконец опустил взгляд первым. Не отвёл, а опустил, как будто закончил оценку. Сделал шаг вперёд.

— Капитан, — сказал он.

Голос у него был ниже человеческого. Чуть приглушённый, как будто сквозь ткань. Ровный, без интонации.

— Слушаю, — ответил я.

— Старший следователь второго ранга, контурная служба расследований Эпитафного. Имени не называю по протоколу. Со мной двое сотрудников, имена также не называются. С нами четверо таможенных инспекторов. Действуем по совместному ордеру на расширенный досмотр вашего судна и опрос экипажа.

Он показал мне планшет с печатью и подписью контура. Я посмотрел. Печать настоящая, я её узнал. Подпись — старшего судьи. Серьёзный документ.

— Принято, — сказал я.

— Прошу вас оставаться на мостике до окончания процедур. Ваш экипаж сейчас будет приглашён в кают-компанию для одновременного присутствия. Двое моих сотрудников и

трое инспекторов проведут досмотр корабля. Один сотрудник и один инспектор останутся на мостике с вами. Я буду вести опрос лично.

— Понял.

Он коротко кивнул и сделал жест двум другим иссанам. Они отозвались лёгким наклоном головы, синхронным, как будто отрететированным. Один из них развернулся и вышел с мостика, второй задержался у двери. Старший повернулся ко мне.

В этот момент я услышал в наушнике первые слова, которых не должен был понимать.

Наушник. Мой козырь.

Старик дал мне его в первый же месяц после обучения. Сказал коротко: «Не снимай. Это твоя страховка». Я тогда не понял, о какой страховке речь. У меня было много страховок в его исполнении — от поддельных документов до запасных счетов в окраинных банках. Наушник я принял как ещё одну, не вникая. Он был серый, мелкий, почти незаметный под волосами. Внешне — обычная капитанская гарнитура для связи с экипажем. Такие носят все капитаны на торговых судах, я видел их сотни раз. Никаких подозрений у инспекторов он вызывать не должен.

Через несколько недель после получения, на одной из стоянок, ко мне в каюту зашёл человек старика — тихий, лет сорока, в очках, я его раньше не видел и потом не видел тоже. Он попросил наушник. Я отдал. Он что-то с ним сделал

— открыл крышечку на корпусе, подключил к маленькому устройству, поработал с ним минут двадцать. Потом вернул. Сказал: «Теперь готов».

— К чему готов? — спросил я.

— Будешь слышать всё, — сказал он. — На любом языке, который встретишь. Программа понимает большинство известных языков сектора. Иссанский, кэрнанский, велгарский, орхенский, тиянский, всё, что захочешь. Услышишь чужую речь — она придёт тебе в ухо переводом, голосом. Не идеально, переводы будут неуклюжие, но смысл уловишь.

— Зачем?

— Для разговоров, которые при тебе ведут, думая, что ты не понимаешь.

Я понял.

— Ещё одно, — сказал он. — Никому не говори про эту функцию. Никому. Ни своему экипажу, ни другим капитанам, ни тем, кому доверяешь. Это твоё оружие, и оно работает только пока про него никто не знает. Если узнают — сменят язык, и ты останешься со стандартным наушником. Старик дал тебе это потому, что ты ему ценен. Береги.

— Понял.

Он ушёл. Я надел наушник обратно. С тех пор не снимал почти. Привык, как привыкают к часам на руке. Большую часть времени он работал тихо — обычная гарнитура связи с экипажем. Но иногда, когда вокруг звучала чужая речь, в ухе у меня шёл тихий перевод на два балла ниже обычной

тональности. Я к этому привык. Использовал редко, потому что в моих рейсах обычно все говорили на общем языке сектора. Но иногда — на станциях, в портах — перевод спасал. Я слышал, что говорят про меня люди, которые думали, что я не понимаю. Это выручало, я чувствовал себя более защищенным. И не выдавал себя там, где другие бы начали нервничать.

Сейчас, на мостике, наушник ожил.

Глава 10

Иссаны говорили между собой на своём языке. Тихо, коротко, с придыханием. Тот, что стоял у двери, наклонился к старшему и сказал что-то, что снаружи прозвучало как мягкий шепчущий поток звуков.

В наушнике у меня прозвучало:

«Капитан спокоен. Признаков давления нет. Ритм дыхания ровный. Можно работать стандартно».

Я не моргнул. Не показал, что слышу. Смотрел перед собой, чуть выше плеча старшего. Внутри у меня поднялась благодарность к старику, потому что без этого наушника я бы сейчас сидел вслепую.

Старший ответил — тоже коротко. В наушнике перевод:

«Согласен. Начинаем опрос. Ты и инспектор — у двери. Остальные — по объекту».

Иссан у двери коротко наклонил голову. Один из таможенных инспекторов остался у двери рядом с ним. Остальные пошли вглубь корабля. Я слышал их шаги в коридоре — расходятся в разные стороны. Двое — вниз, к жилым каютам. Один — в сторону грузового. Один — к техническому.

К техническому.

Внутри у меня что-то сжалось, но я не пошевелился. Лицо абсолютно расслабленное, но сдержанное. Я репетировал это много раз, я мог продержаться такое выражение лица ча-

сами. Но сейчас это требовало усилия. Внутри меня жило волнение.

Старший иссан тем временем сделал знак мне — рукой, плавно, в свою сторону:

— Прошу разрешения занять кресло второго пилота.

— Занимайте, — ответил я.

Гарт поднялся и встал поодаль.

Иссан сел медленно, точно, не разваливаясь. Сначала придержал планшет одной рукой, опустился в кресло, устроил спину — прямо, без отклонения назад. Потом руки, сложенные на планшете, который он положил на колени. Потом взгляд — пробежал по консоли, по экранам, по моим рукам, по моему лицу. Каждое движение было точное, не лишнее, как у человека, который много раз тренировал именно это. Поза не оставляла места ни для усталости, ни для расслабленности. Он сидел так, словно сидел не первый час и мог сидеть ещё много часов.

Он смотрел на меня. Долго.

Я смотрел в ответ.

Через несколько секунд он открыл планшет.

— Капитан, я задам вам ряд вопросов. Прошу отвечать по существу. Если вопрос вам непонятен — просите уточнения. Если ответа не знаете — говорите так. Не пытайтесь восполнить незнание догадками, это удлинит процедуру.

— Понял.

— Ваше имя.

— Лайвен Бранд.

Он задержал на мне взгляд, но я знал, как я выгляжу.

Я видел это лицо в зеркале каждое утро, когда умывался. Старик когда-то говорил мне: «Твоё лицо — это твой капитал, мальчик. Береги его. Оно работает на тебя сильнее любых документов». Я тогда не понял до конца. Потом, после первых рейсов, когда увидел, как таможенники пропускают меня, едва глянув в бумаги, — понял.

Я был высокий, выше среднего роста. Подтянутый — у меня всегда было жилистое тело, ещё со времён шахт, а потом обучение и пять лет на корабле сохранили эту форму. Не громоздкий, как тяжёлые работяги, и не худой, как канцелярские. Просто крепкий. Плечи широкие, но не выпирающие, руки и ноги длинные, по-капитански. Когда я заходил в помещение — на меня смотрели, потому что я выглядел как человек, который занимается чем-то достойным. Лицо у меня было такое, какое называют «приятным» и «честным», не подозревая, что именно за такие лица в этом мире платят отдельно. Овальное, с правильными пропорциями. Лоб высокий. Брови прямые, тёмные. Нос аккуратный, прямой, без горбинки — когда-то в шахте мне его едва не сломали, но обошлось. Скулы выраженные, но не острые — мягкие. Губы средней полноты, с четкой границей. Лицо гладко выбритое.

Глаза голубые. Это, как мне говорили, главное в моём фасаде. Светло-голубые, ясные, с тёмным ободком вокруг радужки, какой бывает у северных людей. Когда я смотрю на

собеседника, мои глаза выглядят открытыми — будто мне нечего скрывать. Я этим пользовался годами. На таможенных, в портах, на встречах с заказчиками. Стоило мне поднять глаза на инспектора, и он переставал сомневаться. Светлые глаза — символ честности в этом мире, и неважно, что за ними прячется.

Волосы у меня тёмно-каштановые, ближе к черному, чем к каштановому, с лёгким холодным оттенком. Не короткие, как у военных, и не длинные, как мастеров искусства. Где-то посередине. Я укладывал их назад, открывая лоб. Иногда они падали на лицо, и я их убирал привычным жестом — назад, через лоб, ладонью.

На обучении меня этому не учили, это был мой собственный жест, один из немногих. Старик однажды заметил его и сказал: «Не убирай. Тебе идёт». С тех пор я не пытался от него избавиться.

Двигался я с выправкой. На обучении меня учили походке капитана — не торопящейся, не размашистой, не нерешительной. Шаг средний, спина прямая, плечи свободные, руки слегка работают вдоль корпуса, без напряжения. Когда я входил в помещение, я не озирался по сторонам — смотрел вперёд, как человек, который знает, куда идёт. Когда садился, не разваливался — садился ровно, воспитанно. Когда вставал, делал это одним движением, без опоры на руки.

Голос у меня был чуть ниже среднего человеческого. Я говорил коротко и спокойно. Не повышал тон, не торопил

собеседника, не заполнял паузы лишними словами. Старик меня учил: «Меньше слов — больше вес. Каждое твоё слово должно стоить дороже, чем три слова обычного человека. Этого добиваются не громкостью, а молчанием».

Форма капитанская, стандартная для перевозчика среднего класса. Тёмно-серая куртка из плотного материала, с короткой стойкой воротника, четырьмя серебряными пуговицами на правой стороне груди и нашивкой компании-фрагтовщика на левом плече. Под курткой — белая рубашка с тонким воротом. Брюки тёмно-серые, прямого кроя, заправлены в высокие чёрные ботинки на мягкой подошве — такие носят все, кто проводит много времени на ногах в коридорах кораблей. На правом запястье — служебный браслет с кодом капитана, идентификатор. На левом — старые часы, механические, без батареек. Я их завожу каждое утро.

Старик когда-то одевал меня сам. Не лично — присылал к портному. Тот снимал мерки, делал примерку, шил по фигуре. Каждая деталь была подогнана. Никаких складок, никаких лишних швов, ничего пёстрого. «Перевозчик должен выглядеть так, чтобы у инспектора не возникало вопросов, прежде чем тот посмотрит на бумаги», — это тоже было его слово. Я это правило соблюдал.

Сейчас, сидя в капитанском кресле напротив иссана, я знал, что мой фасад работает. Я выглядел так, как должен выглядеть честный молодой капитан — собранный, спокойный, с чистым лицом и ровной речью. Иссан смотрел на ме-

ня и видел всё это. Я был уверен — видел. Но он также видел зрачки. Видел дыхание. Видел микродвижения мышц на скулах. И за всеми этими моими капиталами — лицом, формой, осанкой — он искал то, что я прятал.

Я смотрел в его фиолетовые глаза и думал, что впервые в жизни мой фасад работает не до конца. Что я наконец сидел напротив того, кому красивого лица недостаточно. Это было новое чувство. Понимание того, что мой главный инструмент — лицо, на которое я полагался все эти годы, — сегодня не покрывает меня полностью.

Пауза. Он смотрел на меня три секунды. Потом поставил галочку в планшете.

— Возраст.

— Двадцать семь.

Снова пауза. Снова запись.

— Гражданство.

— Без гражданства. Натурализован свободным сектором без привязки к контуру.

Иссаны не реагируют на анкетные ответы — это просто данные, которые у них и так есть, они проверяют, чтобы я не врал на простых вопросах. Но паузы между его вопросами были длиннее, чем у людей. Каждая длилась три-четыре секунды. В эти секунды я слышал собственное дыхание. Слышал, как тихо постукивает где-то под полом система охлаждения. Слышал, как Арис рядом перевернул страницу на своей консоли. Я не мог двинуться, не мог отвлечься, и эти

паузы давили сильнее любых вопросов.

— Корабль зарегистрирован на имя?

— На имя торговой компании «Эстел-Перевозки», — ответил я. Это было одно из подставных имён старика, чистая регистрация, проверенная документами.

— Название корабля.

— Тихий.

Корабль я назвал сам.

У старика было правило — имена своим судам он давал лично. Каждое имя проходило через него, ни один капитан не выбирал. Старик считал, что имя — часть владения. Кто называет, тот владеет. Капитаны корабли водили, но не владели, и поэтому права назвать у них не было.

Со мной он сделал исключение.

Когда он передавал мне этот корабль — четыре года назад, я уже об этом думал, — он сказал коротко: «Назови сам, мальчик. Как захочешь. Только этот».

Я тогда не понял, почему. Сейчас понимаю. Это был жест. Старик умел делать такие жесты, точечные, рассчитанные. Дать что-то, что обычно не даёт, — и человек привязывается. Не цепями, а тем, что почувствовал себя особенным. Раб, который столько лет был никем без имени, вдруг получает право назвать корабль. Это сильнее любых платежей и обещаний. Это работает в человеке годами.

Я выбрал имя в первую неделю. Когда зашёл на борт впервые и долго ходил по нему, привыкая, что это место теперь

моё — насколько вообще что-то у бывшего раба может быть его. Корабль звучал тихо. Двигатели работали мягко, без скрипа, без вибрации. Воздух в каютах не свистел в вентиляциях, как на старых судах. Двери открывались бесшумно. Когда я ходил по нему, я не слышал собственных шагов — пол гасил звук. После всех судов, на которых я ходил до этого, после рудовозов и грузовиков с гремящими палубами, после станций с их вечным гулом насосов — этот корабль молчал.

Тихий.

Так звали раба, который в шахте показал мне, как держать щётку и как дышать через нос. Он почти не говорил. Его забрали ночью, и я никогда не узнал, куда. Я не давал себе вспоминать его — это правило, которому меня научили в трюмах перевозчиков. Не привязывайся. Будешь привязан — будет больно.

А потом мне дали корабль, который оказался тише всего, что я знал. И в первую неделю я понял, что у этого корабля будет имя того, кого мне нельзя было помнить, потому что вспоминать всё равно невозможно перестать.

Я записал имя в документы. Старик увидел его в отчёте, прочитал, посмотрел на меня и кивнул. Не спросил, почему именно так.

«Тихий».

С тех пор он так и называется. По бумагам, по таможенным базам, по голосовой связи между судами. И в моей голове.

Это единственное имя в моей жизни, которое я выбрал сам. Имя себе мне дали при обучении. Фамилию — тоже. Корабль — единственное.

Я раньше думал, что это много.

Сейчас я сидел перед пустой нишей этого самого корабля и понимал, что и его выбор был не совсем моим. Старик дал мне право назвать — потому что знал, что я к этому имени привяжусь, и через привязанность буду крепче держаться корабля, а через корабль — его. Привязанность была инструментом. Я её приобрёл, потому что мне разрешили, а старик получил её как ещё одну верёвку, на которой меня держал.

Даже единственное моё своё оказалось его подарком.

— Вы — наёмный капитан этого судна?

— Да.

— Срок работы на этом судне?

— Четыре года.

— Цель текущего рейса.

— Доставка груза промышленной химии на Ашвен, фабрика «Тремор-14». Документы в пакете, который я передал инспекции при первом досмотре.

— Знаю. Я с ним ознакомлен.

Он сделал паузу. Долгую. В наушнике у меня прозвучало — голос второго иссана, того, что стоял у двери, на их языке: «Зрачки нормальные. Дыхание устойчивое. Не лжёт».

Я смотрел перед собой и думал — пока не лгу. Но скоро придётся. Я знал, к чему он ведёт. Анкетные вопросы — это

разогрев. Дальше будут другие.

— Капитан, — сказал старший, — расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы вошли в состав каравана с двумя сопровождающими судами.

Это уже не анкетный вопрос. Это начало настоящего допроса.

Я выдохнул через нос — медленно, чтобы не было заметно. Начал отвечать.

Стал отвечать повседневно, как учил старик. Коротко, без лишних деталей, не заполняя паузы. Караван формируется заказчиком. Я получаю документ с распределением: какой я по счёту в караване, кто идёт со мной. Лично капитанов второго и третьего я знаю по работе, иногда мы пересекались на базах в пересменку, но близко не общаемся. По регламенту каравана общение между судами идёт по закрытому каналу, на технические темы.

Иссан слушал и кивал. Иногда задавал уточнения. Я отвечал.

В наушнике у меня периодически проходили обмены между ним и тем, что стоял у двери. На иссанском, шёпотом. В переводе:

«Хорошо держится. Слишком хорошо для обычного перевозчика».

«Обученный».

«Видимо, да».

«Продолжай».

Они меня обсуждали. И они знали, что я обученный. То ли сами видели по поведению, то ли у них была заранее справка обо мне. Это плохо. Это значило, что я попал в их поле зрения раньше, чем я думал.

Я подумал о своём экипаже, который сейчас допрашивают. Все двенадцать человек на главном и втором кораблях прошли инструктаж от старика. Все знали, что говорить, если их спросят. Они скажут то же, что и я. Но я знал также, что люди — не машины. Кто-то от страха может оговориться. Кто-то от усердия добавит лишнюю деталь, которую не должен. Кто-то перепутает порядок. Я думал о коке, который сегодня утром резал лук на доске. Думал о пилоте, который пришёл два месяца назад. Об операторе связи. Обо всех. Любой из них мог сейчас сидеть в кают-компании напротив другого иссана и говорить что-то, что не сходится с моими словами.

Я надеялся, что они знали достаточно хорошо.

— Капитан, — продолжал старший, — с капитаном третьего корабля вы общались накануне вылета?

— Только по закрытому каналу. О времени отстыковки и порядке выхода из ангара.

— А лично?

— На общем сборе перед вылетом. У нас стандартная процедура — старший каравана собирает капитанов на короткое совещание, обсуждаем маршрут.

— Кто старший каравана?

— Я.

— Значит, совещание собирали вы?

— Да.

— Расскажите подробно, что обсуждалось.

Я начал рассказывать. Маршрут, точки проверки, расчётное время прохождения таможни Эпитафного, порядок отстыковки. Стандартные вещи, которые ему и так известны из протоколов любого каравана.

В наушнике пошло:

«Слишком гладко. Заученный текст».

«Не обязательно. Может, действительно стандарт».

«Проверь по остальным капитанам — пусть скажут то же самое».

«Записал».

Я слушал и чувствовал, как у меня под рубашкой начинает идти пот. Я держался лицом, ровно отвечал на вопросы старшего, и одновременно слышал, как они в реальном времени проверяют мои слова. Сейчас тот же иссан внизу, в кают-компании, опрашивает экипаж второго корабля по тому же сценарию. Если хоть кто-то из них скажет что-то иначе — они увидят расхождение.

Старший иссан задал следующий вопрос:

— Капитан, на вашем корабле есть скрытые отсеки или модификации, не указанные в официальных чертежах?

Вот оно.

Пора делать выбор.

Сдаться с поличным и получить статус свидетеля или со-
врат с возможностью быть арестованным.

Я сглотнул. Поднял глаза.

Глава 11

Вот оно.

Внутри у меня прошло одно решение, быстрое, как удар: соврать. Я знал, что соврать. Я знал ещё до того, как он задал вопрос, что мой ответ будет «нет». Но когда вопрос прозвучал — у меня прошло короткое мгновение перед ответом, секундная пауза, в которую я будто посмотрел на это «нет» со стороны и сам удивился, насколько оно близко.

— Нет, — сказал я.

Я смотрел ему в глаза. Чуть выше переносицы, как меня учили — так не видна работа зрачков, и собеседнику кажется, что ты смотришь прямо в глаза. Я не моргнул.

Тишина.

Иссан смотрел.

Я смотрел.

Пауза была долгая — секунды три, может, четыре. Дольше, чем после анкетных вопросов. В эти секунды я слышал только своё дыхание и тихий гул вентиляции на потолке.

В наушнике моментально:

«Прямой ответ. Зрачки расширились на четверть процента».

«Это много».

«Замерь повторно через минуту. Не спугни».

Я не показал.

— Понял, — сказал старший вслух. — Спасибо, капитан. Он сделал пометку в планшете. Перешёл к следующему вопросу.

Я сидел и думал — он знает. Может быть, не точно знает, но подозревает. Замер зрачков — это значит, у них в их фиолетовых глазах есть дополнительный прибор. Или линза или врожденное. Возможно, природа дала им то, что у людей делает только аппаратура. Я видел много допросов в своей жизни — наблюдал на других, проходил сам однажды-два в учебных целях у старика, — но никогда не сидел напротив существа, которое читает зрачки в реальном времени. Это новый уровень. Это значит, что любая ложь сегодня — это не вопрос «поверят или нет», а вопрос «насколько глубоко они зафиксируют, что я солгал».

И если они сейчас пойдут проверять технический уровень с этим знанием — они будут смотреть внимательнее, чем обычно. Намного внимательнее.

Я сделал глубокий вдох.

Из коридора донеслись шаги. Один из тех, что пошёл к техническому уровню, возвращался.

Шаги были медленные, не торопящиеся. Это могло значить две вещи. Либо он не нашёл — и идёт спокойно. Либо нашёл — и идёт спокойно тоже, потому что знает, что я никуда не денусь.

Я смотрел на дверь и ждал.

Шаги остановились у двери мостика. Иссан, пошедший к

техническому уровню, вошёл, кивнул старшему и встал чуть в стороне. Он что-то сказал в наушник старшему — тихо, но я все же разобрал.

В моём наушнике перевод пошёл с лёгкой задержкой:

«Технический уровень идет на проверку. Начал с дальних секций. Пока чисто. Иду к секции охлаждения».

Старший коротко наклонил голову.

«Внимательнее. Капитан проявил признаки реакции на вопрос о скрытых отсеках».

«Понял».

Иссан развернулся и вышел. Шаги пошли обратно — вниз, в технический.

Я смотрел перед собой и думал, что меня сейчас будут искать целенаправленно. Не просто формальный обход, а с заданием. Я знал технический уровень своего корабля. Низкий потолок, по которому тянулись толстые трубы охлаждения и кабельные жгуты, обмотанные защитной плёнкой. Пол из ребристого металла, со стоками для конденсата по краям. Свет — холодный, белый, без мягкости. Стены с панелями обшивки, каждая помечена номером по чертежу. Между секциями — узкие проходы, в которых приходилось чуть пригибать голову.

Иссан сейчас шёл по этим проходам с прибором в руке. Я не видел его, но представлял. Шаги его на ребристом металле должны звучать чище, чем на ковровом покрытии мостика. Каждый шаг — отдельный лёгкий звон. Он остановится

у каждой панели, проведёт сканером вдоль шва, послушает звук от простукивания. Он профессионал. Он будет искать аномалии — несовпадения по плотности, отклонения в звуке, любые признаки того, что обшивка не сплошная.

Если знаешь, что искать, и есть хорошая аппаратура, найдёшь. Но мой тайник был построен так, что обычный сканер его не возьмёт. Стенки из того же композита, что и окружающая обшивка. Снаружи за ними — трубы охлаждения с циркулирующей жидкостью, которые гасили звук от простукивания. На общих чертежах — обычная технологическая прослойка.

Я повторил это себе. Тайник построен умно. Старик не зря тратился.

Я незаметно сжал пальцы. Разжал. Снова сжал.

Старший иссан задал следующий вопрос. Пока все тем же тоном, без давления.

— Капитан Бранд, расскажите о вашем грузе. Кто заказчик доставки?

Это легче. Заказчик у меня по бумагам — настоящая фабрика «Тремор-14» на Ашвене. Они заказывали химию, документы у них настоящие, сделка проведена через ашвенский банк. Старик специально работал с такими витринами — берёт реального заказчика под легальный груз, чтобы у инспекций не было вопросов.

— Заказчик — фабрика «Тремор-14» на Ашвене. Контракт через ашвенский банк, копия в пакете документов. Я

передал пакет инспекции при первом досмотре.

— Знаю. Контракт чистый, мы сверили.

Он сделал паузу. В наушнике пошло — старший, сам себе или к стоящему у двери:

«Сверил. Контракт настоящий. Проверка в банке прошла».

«Слабая зацепка с этой стороны».

«Согласен».

Я слушал и понимал — они уже проверили мои документы. Не во время досмотра, а до. Они пришли сюда, зная, что у меня бумаги в порядке. Я снова посмотрел на старшего. Он смотрел на меня — спокойно, с той же долготой взгляда. Без агрессии. Без интереса. Как смотрят на стену, которую измеряют.

Через минуту в наушнике пошло снова — на этот раз от того, кто шёл по жилым каютам:

«В каюте номер три обнаружены личные вещи члена экипажа. Прошу разрешения провести углублённый осмотр».

Старший на мостике напрягся — едва заметно, но я увидел. Его плечи чуть подались вперёд. Он ответил быстро:

«Разрешаю. Все досмотры проводятся максимально тщательно. Зови меня, как только что-то найдёшь».

«Принято».

Каюты у нас в жилых палубах небольшие, одноместные, по четыре квадратных метра каждая. Узкая койка вдоль стены, шкаф напротив, маленький стол, стул, полка над койкой.

На полке у каждого — личные вещи. У кого-то фотографии, у кого-то книги, у кого-то предметы памяти — какие-нибудь мелочи, привезённые с прошлых рейсов.

Иссан искал не мелочи. Он искал что-то конкретное.

Старший вернулся к моим вопросам:

— Капитан, расскажите о вашем экипаже. Сколько человек на главном корабле, сколько на втором, сколько было на третьем?

— Шесть на каждом. Всего восемнадцать.

— Кто формировал состав?

— Заказчик. То есть, мой работодатель.

— Имя работодателя?

— По договору работодатель — «Эстел-Перевозки», главный офис на тихой планете во внешних секторах. Лично с владельцем компании я не знаком. Получаю инструкции через посредников.

Это была отрепетированная легенда. Я повторял её много раз, она сидела у меня внутри как стихотворение, выученное в детстве. Я мог говорить её во сне. Иссан слушал и кивал. В наушнике пошло:

«Стандартная легенда перевозчика. Не настаивай».

«Записал».

Они знали, что это легенда. Они не настаивали, потому что им и не нужна была правда о структуре старика. Их интересовало другое.

Я подумал о том, что сейчас происходит на втором кораб-

ле.

На главном экране я мог видеть — внешними камерами — что там тоже идёт работа. Капсулы пристыкованы, шлюз открыт. На борт зашли семеро, как ко мне. Точно так же. Я смотрел и думал, что капитан второго сейчас сидит в своём кресле и проходит то же самое. Те же вопросы. Те же иссаны — другие, но точно такие же по поведению. Тот же ритм допроса.

У него тоже найдут что-нибудь? Или нет?

В наушнике вдруг пошёл другой голос — не с моего корабля. Видимо, общий служебный канал, который иссаны держали открытым между двумя группами. Перевод:

«Группа на втором. Доклад. Капитан второго в нормальном психологическом состоянии. Анкетные данные подтверждены. Биометрия экипажа — без аномалий. Ищем».

Старший на моём мостике коротко в свою гарнитуру:

«Принято. У нас код подтверждён».

«Принято. Продолжаем».

Я выдохнул внутрь. На втором у них пока чисто.

Я попытался не показать облегчения. Кажется, удалось.

Но иссан с противоположного кресла снова сказал в свой канал:

«Зрачки. Расширение, потом сужение. Что-то отпустило».

«Записал».

Они видели всё.

Через минуту в наушнике пошло — от иссана в техническом:

«Прохожу секцию между резервуарами охлаждения. Сканер показывает однородный участок обшивки. Простукиваю».

Я внутри застыл.

Это была моя секция. Та самая, где был тайник.

«Звук — глухой. Через стенку идут трубы охлаждения с жидкостью. Сканер аномалий не показывает».

«Простукай ещё раз. Со смещением».

«Простукиваю».

Пауза. В мостике стояла тишина. Я слышал собственное дыхание. Слышал, как Арис рядом перевернул страницу. Слышал, как тихо постукивает где-то вентиляция. Каждая секунда тянулась.

«Звук всё тот же. Сплошная стенка с трубами за ней. Аномалий нет».

«Хорошо. Иди дальше».

Я выдохнул внутри. Не показал.

Тайник прошёл.

Старик строил его умно. Сегодня этот ум окупился. Я повторил это себе ещё раз, потому что не до конца верил, что прошло.

Иссан с противоположного кресла снова в свой канал:

«Снова реакция. Расширение зрачков, потом расслабление. Третий раз за допрос».

«Записал. Продолжаем».

Они видели каждый раз. Каждое моё внутреннее движение оставляло след в их планшете. Черт.

Через двадцать минут вернулся тот, что шёл к техническому уровню. Зашёл на мостик, остановился у двери. Сказал старшему — на иссанском, в перевод:

«Технический уровень обойден полностью. Аномалий в обшивке не выявлено. Простукивание показало однородность стенок. Сканер аномалий не зафиксировал. Чисто».

В наушнике добавилось:

«А реакция капитана на вопрос?»

«Возможно, на что-то другое».

«Принято. Завершаем технический».

«Принято».

Старший иссан кивнул вернувшемуся, посмотрел снова на меня. Долго, внимательно. Я смотрел в ответ.

Потом он перевёл взгляд на свой планшет. Сделал пометку. Вернулся к разговору со мной.

Прошло ещё двадцать минут.

Двадцать минут вопросов. О маршруте, о расходах, о связи с базой, о времени стыковок. Ровные, точные, без давления. Я отвечал. Иссан кивал.

В коридоре периодически слышались доклады по их каналу, в наушнике у меня шёл перевод. Жилые каюты. Камбуз — чисто. Медотсек — чисто. Грузовой отсек — груз соответствует накладным.

Технический уровень — чисто.

Я слышал «технический уровень — чисто» три раза. После каждого — внутри отпустило. Они проверили. Они не нашли. Тайник существовал. Тайник остался моим.

И всё это время старший иссан смотрел на меня и видел — каждый раз, когда у меня внутри что-то отпустило. Видел, и не комментировал. Только записывал.

Через сорок минут в наушнике пошло финальное:

«Все участки досмотрены. Аномалий не выявлено. Готовлю заключение».

«Принято».

Старший иссан закрыл планшет.

Молчал секунду.

Я ждал.

— Капитан Бранд, — сказал он, — по результатам досмотра вашего судна нарушений не выявлено. Груз соответствует документам, корабль прошёл проверку, экипаж подтвердил основные сведения. Формальных оснований для задержания вашего судна или вашей персоны нет.

Я сидел и не двигался. Внутри у меня что-то начало отпускать — но я знал, что рано. Я знал, что он сейчас скажет ещё что-то.

— Однако я должен сообщить вам следующее.

Долгая пауза. В его манере. Я ждал.

— У нас вопрос не к вашему грузу.

Ещё пауза.

— У нас вопрос к одному из членов вашего экипажа.

В наушнике у меня в этот момент пошло — голос второго
иссана, того, что вернулся с технического:

«Берём цель».

«Принято.»

Глава 12

Старший иссан сидел напротив меня и не двигался.

Слова, которые он сказал, повисли в воздухе мостика, и я слышал, как они тяжелеют с каждой секундой. Я ждал имени. Должности. Любой зацепки, чтобы я мог сразу просчитать, кто это, и понять, во что я только что вляпался.

Имя не следовало.

Я сидел и в эту секундную паузу прокрутил в голове всех своих людей. Шестеро. Я, Гарт, Арис — на мостике. Кок, грузовой офицер, бортовой механик — в кают-компании. Кто из них? Кок. Грузовой офицер. Механик. У каждого своя биография, свои документы, свои причины оказаться тут. Любой мог оказаться тем, за кем пришли.

Иссан смотрел на меня. Долго. В наушнике у меня в этот момент пошло — тихий обмен между ним и тем, что стоял у двери:

«Никому не озвучивать имя задержанного. Хочу видеть, кто из шестерых занервничает первым, когда поймут, что забираем без объявления подозреваемого. Это часто даёт информацию».

«Принято».

Я слушал и не показал лицом, что слышу. Внутри у меня прошло одно понимание — они не скажут. Они хотят увидеть реакции. Хотят, чтобы цель сама себя выдала, или что-

бы кто-то другой на корабле выдал её случайно, занервничав.

Старший иссан заговорил вслух:

— Капитан Бранд, по совокупности обстоятельств мы приняли решение продолжить процедуру в условиях таможенной станции. Прошу вас и весь ваш экипаж главного корабля проследовать с нами. Мы возьмём вас под охрану на время разбирательства. Это не задержание в формальном смысле — это процедурный перевод. После завершения опроса экипаж будет освобождён, корабль возвращён в эксплуатацию.

— Понял, — сказал я.

— Кого именно из членов экипажа мы рассматриваем как объект интереса — мы не уточняем на данном этапе. Это часть служебной тайны, действующей до завершения расследования.

Я кивнул.

— Ваш корабль будет временно изъят. Поставлен на служебную парковку таможни. На нём в течение шести часов будет проводиться повторный расширенный досмотр специальной технической группой. По завершении проверки, если нарушений не будет выявлено, корабль вернётся к вам.

Шесть часов.

Внутри у меня что-то холодное прошло вдоль позвоночника. Шесть часов повторного досмотра — это не то, что было сегодня. Это другой процесс. Другая аппаратура. Другое внимание. Сегодня они проходили технический уровень

за двадцать минут на стандартном протоколе. За шесть часов специальная техническая группа разберёт корабль до последнего шва. Простучит каждую панель десять раз. Проверит каждый прибор. Если они зайдут в секцию между резервуарами охлаждения с серьёзным оборудованием — мой тайник может не выдержать.

Я не показал лицом.

В наушнике от иссана у двери:

«Снова реакция. Слова про шесть часов. Расширение зрачков, сужение, краткое ускорение пульса по визуальной оценке».

«Записал. Это уже четвёртое за сегодня. Систематичность есть».

Они меня видели. Как и всё остальное, что я пытался не показать.

Я посмотрел на старшего иссана и сказал:

— Принято. Я и мой экипаж в вашем распоряжении.

— Спасибо, капитан.

Он встал. Сделал движение пальцем — дал команду в свою гарнитуру. Иссан, который стоял у двери, кивнул и вышел из мостика.

Я повернулся к Гарту и Арису.

Гарт смотрел на меня. Серьёзно, без вопросов. Просто ждал моих указаний. У него лицо было собранное — он понимал, что происходит, и не задавал вопросов, на которые сейчас никто бы не ответил.

Арис тоже смотрел. У него лицо было чуть бледнее обычного — он за свою жизнь, видимо, не так часто попадал в такие ситуации, как я. Но он держался. Сидел ровно, руки на консоли, взгляд не бегал.

Я кивнул им обоим:

— Идём.

Они встали одновременно. Это было заметно даже мне самому — мы выработали ритм движений, в котором не нужны слова. Кивок капитана — экипаж встаёт. Никаких вопросов, никаких задержек.

И в этот момент, поднимаясь со своего кресла, я посмотрел сначала на Гарта, потом на Ариса, и у меня в голове прошло короткое, почти лёгкое чувство. Это были двое людей, которые точно не цель иссанов. Цель уже взяли. А они все время со мной.

Это не значило, что они невиновны абсолютно. Это значило, что они невиновны в том, в чём подозревают конкретного человека, за которым иссаны пришли именно сегодня. Они исключаются автоматически. По времени и месту.

Грузовой офицер. Бортовой механик. Кок.

Цель — один из этих троих.

Я двинулся к выходу с мостика. Гарт и Арис за мной. Иссан, который оставался при нас, шёл сзади — без оружия в руках, но с положением, которое не оставляло сомнений: мы идём под охраной.

Мы прошли через мостик, через короткий коридор к лест-

нице. Я по привычке знал, куда наступать, чтобы не задеть низкий выступ потолка над верхней ступенью. Гарт сзади аккуратно прошёл мимо того же выступа — он тоже знал. Арис — так же автоматически пригнулся. Все на этом корабле знали опасные углы.

Мы спускались на жилую палубу, и я смотрел на коридор так, будто видел его впервые.

Корабль молчал.

Раньше, во время обычного рейса, на жилых палубах всегда было какое-то движение. Кто-то выходил из своей каюты в санузел. Кто-то шёл на камбуз. Где-то открывалась дверь, где-то закрывалась. Тихий гул системы охлаждения шёл фоном, а поверх него — мелкие звуки человеческого присутствия.

Сейчас не было ничего. Только система охлаждения. Я прошёл мимо своей каюты, мимо каюты Гарта, мимо каюты Ариса. Двери у всех были закрыты. Воздух в коридоре был неподвижный, прохладный, с тем специфическим запахом, который у Тихого был по утрам — слабый металл, чистая вода в системах охлаждения, едва различимая нотка моторного масла из технических проёмов. Я знал этот запах четыре года. Он был частью корабля, как сами стены.

Сегодня он стал прощальным. Я не был уверен, вернусь ли в эти коридоры. На моей практике такое было впервые.

Старший иссан распоряжался.

— Капитан, второй пилот и оператор связи — в первую

капсулу. Остальные трое — каждый в отдельную капсулу.

Я понял. Они нас разделяли намеренно.

Чтобы не было общения между мной и теми тремя, среди которых цель, в течение полёта до станции. Чтобы цель не успела договориться с другими, не успела передать что-то через слово или жест. И чтобы я сам не успел увидеть, кто из них как держится. Иссаны вычищали поле так, чтобы у меня не было ни одного канала наблюдения за подозреваемыми.

Это было профессионально. Меня лишали информации тщательно, по протоколу.

Мы подошли к капсулам.

Гарт, Арис и я зашли в первую. Внутри — шесть кресел вдоль стен, жёсткие, металлические, с ремнями безопасности. Свет белый, холодный, без тёплых тонов. На стенах — простая обшивка из неокрашенного металла. Воздух сухой, прохладнее, чем в коридорах корабля. В дальнем углу сидел иссан, сопровождающий. Он кивнул нам и показал рукой на кресла. Мы сели.

Я сел напротив иссана, чуть наискось. Гарт сел справа от меня, Арис — слева. Между нами свободное кресло. Мы пристегнулись — ремни щёлкнули в стандартных замках, привычно, как на любом корабле.

Дверь капсулы закрылась с тихим шипением. Давление выровнялось.

В капсуле было тесно и тихо. Где-то за стеной начали работать двигатели — низкий ровный гул, который я чувство-

вал больше через металл, чем слышал ушами.

Через маленький иллюминатор у моего плеча я мог видеть, как закрываются стыковочные кольца, как капсула отделяется от Тихого, как мой корабль остаётся справа — серое веретено в чёрном пространстве. Огни на нём были погашены. Только аварийные синие полосы на корпусе ещё горели — корабль продолжал работать на минимальном питании, поддерживая жизнь систем.

Я смотрел в иллюминатор и думал — вот мой Тихий. Восемьдесят метров, обшивка из тёмно-серого композита. Сейчас он висел в пустоте, без своего экипажа, и ждал чужих рук.

В голове у меня прошло короткое: «Я вернусь».

И тут же — поправка: «Если вернусь».

Я ничего не мог гарантировать. Корабль мог быть осмотрен и вернуться чистым — тогда я снова сяду в капитанское кресло, и Тихий пойдёт на Ашвен. Корабль мог быть осмотрен и в нём могли что-то найти — тогда я в это кресло уже не сяду никогда. Между этими двумя исходами у меня было шесть часов и ноль контроля.

Это была странная мысль для человека, который четыре года считал этот корабль своим. Тихий был единственным, что у меня было. И сейчас он висел снаружи, и я ничего не мог для него сделать.

За нами выводили остальных членов экипажа, и каждый из них заходил в отдельную капсулу. Я не увидел, к кому

из них было отдельное внимание. Их вообще держали так, чтобы я особо ничего не видел.

Это было сделано специально. Цель уже под контролем, но она ещё не знает, что она цель. И со стороны невозможно определить, кто именно был ею.

Потом я увидел, как к Тихому подходит таможенный буксир — большой, неуклюжий, с захватами. Корпус у буксира был грязно-серый, в потёртостях, с яркой жёлтой полосой на боку — служебной отметкой таможни. Он зацепил мой корабль с двух сторон магнитными лапами, медленно, как краб, который держит добычу. Включил двигатели. Тихий, обесточенный, с погашенными огнями, начал медленно двигаться вместе с буксиром в сторону служебной парковки таможни. Он выглядел как мёртвая вещь. Как будто его уже не было.

Я смотрел в иллюминатор.

Через дальний иллюминатор я успел заметить второй корабль. Он стоял в буферной зоне, и к нему по-прежнему были пристыкованы четыре капсулы. Их группа всё ещё работала. Что там происходит — я не знал. Капитана второго не было в моей капсуле. Его экипаж тоже не везли с нами. Они оставались там, на своём корабле, под досмотром, который ещё не закончился.

Я смотрел на второй корабль и думал о его капитане. Сейчас он сидит в своём кресле. Может быть, ещё под допросом. Может быть, уже ждёт, как я. Он не знает, что меня уже увез-

ли. Он не знает, что Тихий тащит буксир. Он сидит у себя и думает, что мы все вместе в этой ситуации, что главный корабль рядом, что я где-то в эфире на связи.

Я был уже не на связи. Меня везли отдельно, и связи между нашими кораблями больше не было.

Капсула набрала скорость. До таможенной станции — пятнадцать минут.

Гарт смотрел в пол. Арис — на свои руки. Никто не разговаривал — нам и так было ясно, что разговаривать в присутствии иссана нельзя. Любое слово сейчас могло пойти в протокол.

Я сидел между ними и считал в голове минуты до прибытия. Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать.

В капсуле было слышно работу двигателей — глубокий ровный звук, которого нет на больших кораблях, потому что там его глушит длина корпуса. Здесь, в маленькой служебной капсуле, двигатели были в трёх метрах от меня, и я чувствовал их вибрацию через сиденье, через подлокотники, через пол.

Иссан в углу не шевелился. Он сидел с прямой спиной, лицо без выражения. Я не видел, чтобы он моргал. У иссанов норма моргания меньше, чем у людей — они моргают раз в десять-пятнадцать секунд, не каждые три-четыре, как мы. От этого их взгляд кажется неподвижным. Как у статуи. Только статуя, которая дышит.

Он наблюдал за нами всю дорогу. Не разговаривал, не де-

лал движений, не кивал — просто наблюдал. У него на запястье был тот же служебный браслет, что у тех троих утром. Связь с базой шла через этот браслет — я был уверен, что прямо сейчас он передаёт куда-то наши биометрические показатели. Дыхание, пульс, температуру тела, движения. Каждые тридцать секунд новый отчёт.

Я смотрел перед собой и старался держать дыхание стабильным.

В голове у меня шли мысли, которые я не мог остановить. Что они сейчас делают на Тихом. Какую группу прислали. Сколько у них оборудования. Будут ли они снимать обшивку или ограничатся внешним сканированием. Если ограничатся — у меня шанс есть. Тайник построен под обманывание стандартного сканера, и даже улучшенный сканер он, возможно, проведёт. Если будут снимать обшивку — шансов нет. Снятая обшивка покажет полость за стенкой, и с этого момента всё становится совсем другим разговором.

Я не знал, что они выберут. Это решал кто-то наверху, на станции, по моему профилю риска. Если они считают меня важной целью — пришлют тех, кто снимает обшивку. Если рутинной — пришлют тех, кто только сканирует.

Сегодня, по их собственным словам, я не был основной целью. Я надеялся, что это имеет значение и для тех, кто решает.

Десять минут до прибытия.

Гарт пошевелился — переменял положение в кресле. Я

заметил его движение боковым зрением. Он сидел с прямой спиной, как и я, как нас обоих учили. Хороший пилот — это спокойный пилот. Гарт умел быть спокойным даже в таких ситуациях. Я был ему благодарен за это. Если бы он сейчас нервничал, дёргался, вздыхал — мне было бы тяжелее держать своё лицо. Чужое волнение заразно. Чужое спокойствие — тоже.

Арис сидел тише. Он смотрел на свои руки, и я видел, что пальцы у него чуть напряжены. Один из ногтей был покусан с края — недавно, видимо. Он этого не делал раньше при мне. Может, грыз от стресса. Может, всегда грыз, просто я не замечал.

Я подумал — что я вообще знаю о своих людях.

Гарт два месяца на корабле. Я знал его документы, его профессиональные навыки, его привычки в работе. О его семье — ничего. Он не говорил, я не спрашивал. У него на запястье был обруч из тёмного металла, без украшений — может, просто украшение, может, чья-то память. Я не уточнял.

Арис четыре месяца. Молчаливый, дисциплинированный. Где он работал до меня — я знал по бумагам, два предыдущих корабля. Что он делал между этими работами — не знал.

Я знал своих людей мало. Ровно столько, сколько нужно, чтобы они работали со мной, и не больше. Это была норма у нас на работе — глубоко не лезь, тебе же спокойнее. Сейчас, сидя в капсуле напротив иссана, который везёт нас в тамо-

женный сектор, я подумал — может, я был неправ, что не лез. Может, нужно было знать больше. Может, тогда я сегодня бы не сидел и не гадал, кого из шестерых забирают.

Поздно. Что есть, то есть.

Семь минут до прибытия.

Капсула чуть качнулась — корректировка курса. Я почувствовал это через сиденье. Двигатели изменили звук на короткое мгновение, потом вернулись к ровному гулу. Где-то снаружи, в чёрном пространстве, мы маневрировали между другими капсулами и буксирами, идущими своими курсами. На таможенной станции всегда плотное движение в служебном секторе.

Я посмотрел в иллюминатор. Тихого уже не было видно — он остался далеко позади, прижатый к буксиру, идущий на парковку. Вместо него в иллюминаторе появилась таможенная станция — большое гранёное кольцо с подсветкой по внешнему ободу, где располагались публичные доки. К ним пристыкованные суда выглядели игрушечными, но я знал — это полноразмерные грузовики и лайнеры, просто станция была огромная.

Мы заходили не туда. Мы заходили с внутренней стороны кольца, в служебный сектор. Эта часть станции не подсвечивалась цветом. Только белый рабочий свет на стыковочных шлюзах. По внутреннему ободу станции виднелись маленькие капсулы — служебные, как наша, идущие в обе стороны. Одни выходили из шлюзов, другие заходили. Это была

работа, которую большинство пассажиров публичной части станции не видели и о которой не задумывались.

Три минуты.

Я внутренне приготовился. Через несколько минут мы пристыкуемся, дверь откроется, и нас поведут по коридорам в зал ожидания. Меня будут опрашивать. Это я знал. Я не знал, что будет дальше — освободят ли, задержат ли, найдут ли тайник на корабле, кого из моего экипажа я больше не увижу.

В груди у меня было пусто.

Я сидел между Гартом и Арисом, напротив иссана, и считал секунды.

Две минуты.

Одна.

Стыковка.

Глава 13

Капсула пристыковалась к маленькому служебному шлюзу. Я почувствовал лёгкий толчок, услышал металлический звук фиксации. Сработали магнитные захваты. Через несколько секунд индикатор давления выровнялся, и дверь капсулы открылась с тихим шипением.

Иссан, который сопровождал нас, вышел первым. Кивнул нам — следуйте.

Мы вышли в коридор, и я понял, что попал в часть станции, которой обычно не видят. Коридор был узкий, метра полтора в ширину, без панорамных окон, без украшений на стенах, с серым ровным освещением, идущим от потолочных полос. Пол — металлический, с противоскользящим покрытием. По стенам — стандартные технические панели, как на любом служебном уровне: электрика, связь, климат. Ни одного указателя для гражданских. Ни одной таблички, по которой можно было бы понять, где ты находишься. Только цифры на дверях — служебные коды помещений, которые ничего не говорили постороннему.

Воздух здесь был другой. Не такой, как в публичных коридорах станций — там обычно тёплый, с лёгким запахом еды из киосков и парфюма от пассажиров. Здесь — прохладный, сухой, без запахов. Воздух, который прокачивают через мощные фильтры много раз, и он теряет всё человеческое.

Нас повели по этому коридору. Шли молча. Иссан впереди, мы трое за ним, ещё один иссан сзади. Через несколько поворотов коридор расширился в зал ожидания — тоже служебный, без украшений, с рядом одинаковых кресел вдоль стен и одной дверью в дальнем конце. Кресла металлические, с тонкой обивкой, прикреплённые к полу. Десять штук. Зал был рассчитан на небольшие группы. На стенах — четыре камеры в углах. У дверей — два таможенника в серой форме. Они стояли неподвижно, без оружия в руках, но с положением, которое говорило, что оружие при необходимости появится за секунду.

Иссан, который вёл нас, сказал:

— Капитан, ваше место здесь. Ожидайте, пока вас не вызовут на индивидуальный опрос. Ваш второй пилот и оператор связи будут опрошены в других помещениях. Просьба не вступать в разговоры, не покидать зал, не пользоваться личными устройствами связи.

— Понял, — сказал я.

Гарт и Арис посмотрели на меня. Я кивнул им коротко — мол, делайте, что говорят. Они кивнули в ответ, повернулись к иссану. Их увели через дверь в дальнем конце зала. Дверь закрылась за ними с тихим щелчком.

Я остался один. Сел в одно из кресел. Иссан, который меня привёл, ушёл. У двери остался только один из двух таможенников — второй вышел вместе с иссаном. Тот, что остался, не смотрел на меня прямо, но я знал — за мной следят.

Камеры, наблюдатель, плюс, наверное, ещё кто-то за односторонним зеркалом, если оно есть в этом зале. На станциях такие залы делают именно для того, чтобы у задержанных не было возможности расслабиться или начать что-то делать.

Я сидел и считал. Десять кресел. Я в одном. Девять пустых.

Где-то в коридорах сейчас были Гарт и Арис. Их тоже привели в какие-то залы, рассадили, ждут. Их допросят раньше меня или после — я не знал. По логике — раньше, потому что у них меньше информации, и их нужно опросить быстро, чтобы получить базу для сравнения с моим ответом.

Меня скорее всего оставят на потом.

В моем наушнике шел фоновый перевод чужой речи. Где-то в коридорах ходили иссаны, говорили на своём языке. Ничего из того, что я слышал, не было полезным. Кто-то отдавал распоряжения о размещении, кто-то проверял оборудование в допросной. Кто-то спрашивал, готова ли запись для следующего сеанса. Стандартная служебная рутина, без имён и без конкретики.

Это меня удивило. Утром на корабле они между собой переговаривались о моём состоянии, о моих зрачках, о реакциях. Сейчас они держали эфир чистым. Даже на иссанском не упоминали имён или деталей.

Они знают, что у меня есть наушник. Или не выдают конкретную информацию друг другу в связи с внутренним протоколом во избежании взлома внутренней связи.

На станции — закрытый эфир, на корабле в полевых условиях — открытый. Это тоже возможно. Не паниковать.

Я заставил себя дышать ровно.

Прошло двадцать минут. Я сидел, смотрел в одну точку — на дверь в дальнем конце зала. Считал в голове секунды, чтобы не думать о другом. Триста секунд — пять минут. Шестьсот — десять. Двенадцать сотен — двадцать.

Потом таможенник у двери получил сигнал в наушник. Кивнул мне:

— Капитан Бранд. Прошу за мной.

Я встал.

Меня привели в небольшую допросную через короткий коридор. Три двери по пути — все закрытые, с цифровыми кодами на замках. За одной из них, я был уверен, сейчас сидит Гарт или Арис. Я прошёл мимо, не задерживаясь, не пытаюсь услышать что-то через дверь.

Допросная была прямоугольной комнатой четыре на пять метров. Металлические стены, выкрашенные в серый. Простой металлический стол посередине, привинченный к полу. Два стула — один с моей стороны, один с другой, тоже привинченные. На стене за столом — большое зеркало, я знал, что оно одностороннее, и за ним кто-то наблюдает. На потолке — четыре камеры в углах. Свет яркий, без теней, какой включают, когда хотят видеть лицо собеседника во всех деталях.

За столом уже сидел иссан.

Не тот, который вёл допрос на корабле. Этот был старше — я понял по тому, что у него на воротнике было четыре серебряные полоски, а не две. Старший следователь четвёртого ранга, как минимум. Лицо у него было такое же узкое и бледное, как у тех троих утром, но с глубокими морщинами вокруг глаз и у губ. Возраст — пятьдесят, может, шестьдесят, у иссанов трудно определить точно. Волосы тёмно-каштановые, с отдельными седыми прядями, собранные сзади в низкий хвост. Глаза тёмно-фиолетовые, почти чёрные. Руки лежали на столе, переплетённые пальцами. Перед ним — планшет и небольшая пластиковая папка с документами.

Он смотрел на меня молча, пока я садился. Я сел и положил руки на стол, ровно. Он не сделал жеста, не кивнул, не сказал «здравствуйте». Просто смотрел.

Через несколько секунд заговорил.

Голос у него был ниже, чем у того, что вёл допрос утром. Глубже. Без эмоциональных оттенков, ровный, как вода.

— Капитан Бранд. Я веду основное следствие по этому делу. Старший следователь четвёртого ранга, имени по протоколу не называю. Мы сейчас будем говорить долго. Возможно, два часа. Возможно, больше. Прошу вас приготовиться к этому ментально.

— Готов, — сказал я.

— Вопросы, которые я вам задам, — повторение и углубление того, что вам уже задавали на корабле. Прошу отвечать так же, как там. Не стараться угадать, что мне нужно

слышать. Я слышу не то, что вы говорите. Я слышу то, как вы говорите.

— Понял.

— У меня одно правило, капитан. Если в ходе разговора вам понадобится перерыв — сообщите. Я разрешу. Лучше короткая пауза, чем накопленная усталость, которая искажает ответы. У меня нет цели вас ломать. У меня есть цель получить чистую информацию.

— Принято.

— Начинаем.

И он начал.

Первые двадцать минут он шёл по основной анкете. Имя, возраст, гражданство, корабль, должность, срок работы, маршрут текущего рейса. Я отвечал так же, как на корабле — коротко, четко, без украшений. Иссан слушал, делал пометки в планшете, не перебивал. Иногда после моего ответа он выдерживал паузу длиной в пять-семь секунд, прежде чем задать следующий вопрос. В этих паузах я не мог двинуться. Я смотрел перед собой, чуть выше его переносицы, как меня учили, и ждал.

Тишина в эти моменты была напряженной. Я слышал собственное дыхание. Слышал, как тихо гудит вентиляция в потолке. Слышал, как иссан время от времени переворачивает страницу в своей планшете — мягкий цифровой звук, имитирующий бумагу.

Через двадцать минут он перешёл к экипажу.

— Капитан, перейдём к вашим людям. Я хочу опросить вас по каждому из пяти членов экипажа главного корабля. По очереди. Начнём с того, кого вы знаете дольше всего.

— Это кок, — сказал я.

— Хорошо. Расскажите о нём.

И я начал.

— Кок у нас на корабле выполняет двойную функцию. Он не только готовит — он также медик. Закончил медицинский факультет на внутренних планетах в молодости, работал по специальности около десяти лет. По его словам, в какой-то момент устал от больниц, ушёл, искал другую работу. Куда — он не уточнял. Через несколько лет попал в структуру, в которой я работаю, и там ему предложили совмещённую должность: основная функция — медотсек на корабле, дополнительная — кухня. На больших судах берут отдельных людей под каждую задачу, на нашем — одного, который умеет всё. Он подходит. Готовит хорошо, по любви, смотрит на это не как на профессию. Царапины зашивает ровно, дозы лекарств считает точно. У моего работодателя — такие совмещённые специалисты ценятся: экономия места, экономия зарплаты, надёжность.

Иссан слушал, делал пометки.

— Имя?

— Вилен Корст.

— Происхождение?

— Внутренние планеты, точнее не знаю. Он не рассказы-

вал. Я не спрашивал — у нас не принято расспрашивать прошлое, если человек сам не делится.

— Документы при найме?

— Стандартные. Удостоверение свободного сектора, лицензия медика, ограниченная — для частной практики. Лицензия кока. Я проверял по бортовой системе при приёме. Документы прошли.

— Поведение за время работы?

— Стабильное. Не пьёт, не нарушает дисциплину, не вступает в конфликты. Молчаливый. Большую часть времени проводит на кухне, в медотсеке или на камбузе. С остальным экипажем общается по необходимости. Привязан к работе, не к людям.

— Подозрительные эпизоды?

Я задумался на секунду. Не потому, что искал, что сокрушить, а потому, что действительно вспоминал.

— Таких не было. Один раз он лечил инфекцию у одного из членов экипажа, который потом ушёл с корабля. Лечил необычным препаратом, я тогда обратил внимание, потому что препарат редкий. Он объяснил — старые запасы из его медицинской практики, которые он привёз с собой при найме. Я принял объяснение, инфекция прошла, я больше не возвращался к этой теме.

— Имя того члена экипажа, которого он лечил?

— Не помню. Это было давно, человек ушёл с корабля через несколько месяцев после этого. По стандартной ротации.

Иссан сделал длинную пометку. Сказал:

— Хорошо. Запишу. Если в нашей базе всплывёт совпадение по этому препарату — мы вернёмся к этому. Пока — переходим к следующему.

Я кивнул.

Он спросил про оператора связи.

— Арис, — сказал я. — На корабле четыре месяца. Третий оператор связи за последние два года. Прислан по обычной процедуре. Документы в порядке. Биометрия проверена. Опыт средний — три прошлых корабля, везде по года-полтора. Работает хорошо, без замечаний. С другими членами экипажа близко не общается, держится особняком, но это не выглядит подозрительно — у нас многие так держатся.

— Подозрительные эпизоды?

— Нет. Он со мной на мостике каждый день, я его наблюдаю много часов подряд. Если бы что-то было — я бы заметил.

Иссан кивнул.

Перешли к Гарту.

— Второй пилот. На корабле два месяца. Документы в порядке, опыт большой, рекомендации хорошие. За два месяца — ни одной ошибки в работе. Так же, как Арис, со мной на мостике каждый день.

Иссан посмотрел на меня дольше обычного после этой фразы.

— Вы пытаетесь дать им алиби, капитан?

— Я констатирую факт.

— Понял. Записал. Но скажу вам одно — алиби в нашем деле ничего не значит. Цель этой операции — не тот, кого видели или не видели постоянно. Цель — тот, чьи документы и биография не выдержали проверки. Это не вопрос времени. Это вопрос идентичности.

Я сидел и слушал. Идентичности.

— Понял, — сказал я. — Продолжаем.

Иссан перешёл к грузовому офицеру.

Я рассказал — мужчина сорока с небольшим лет, опытный, работал в окраинных контурах раньше. Документы в порядке. Поведение спокойное. Подозрительного не замечал.

Иссан задал несколько уточняющих вопросов. Я ответил. Он сделал пометку.

Потом он перешёл к бортовому механику.

— Бортовой механик, — сказал он. — Когда поступил?

— Восемь месяцев назад. Я получил его документы, проверил, принял на работу. Лично с тем, кто его рекомендовал, я не знаком. Молчаливый. Тихий. Работал хорошо, без замечаний. С остальным экипажем общался минимально. Большую часть времени проводил в техническом отсеке или у себя в каюте.

— Подозрительные эпизоды?

— Не наблюдал. Восемь месяцев работы — без единого нарекания.

Иссан сделал пометку. Помолчал. Потом перевёл взгляд на свой планшет. Сделал длинную пометку, поднял глаза на меня и сказал:

— Капитан, у меня к вам ещё один вопрос. В ходе досмотра вашего корабля в одной из кают экипажа был обнаружен тайник. Скрытое отделение в задней стенке шкафа. В нём — документы и биометрическая карта, не соответствующие зарегистрированной личности владельца каюты.

Он остановился. Не сказал, в чьей каюте. Не назвал имени.

— Что вы можете об этом сказать?

— Ничего, — сказал я.

— Ничего? Никаких версий?

— Я не имею представления о содержимом кают моего экипажа. У нас на корабле не принято заходить в чужие каюты без необходимости. Если у меня нет конкретного повода подозревать члена экипажа, я не лезу в его личное пространство.

— Вы не проводите выборочные проверки кают экипажа?

— Не провожу. Это правило: мои люди — взрослые мужчины, у каждого своё прошлое, своя жизнь, и я уважаю их границы. Если кто-то нарушает работу — я разбираюсь. Если просто живёт у себя в каюте — это его дело.

— Разумная позиция, капитан. Но опасная для вашей работы. Если кто-то из ваших людей живёт под чужим именем, и вы его не проверили — у вас на борту разыскиваемый, и

вы за это несёте ответственность.

— Несу. Но проверка биометрии — единственное, что я могу сделать. Если поддельная биометрия проходит мою систему, я не вижу способа её определить без специального оборудования, которого у меня нет.

Иссан кивнул. Это был кивок согласия — не сочувствия, не одобрения, а признания факта.

— Вы правы. В этом случае ответственность не лежит на вас. Мы это учтём в нашем заключении.

Я выдохнул внутри. Не показал.

Я сидел и думал — он не сказал, в чьей каюте тайник. Это значит, он намеренно не хочет, чтобы я знал. У него на это две причины. Первая — служебная тайна, как они и заявляли с самого начала. Вторая — он хочет посмотреть, не выдам ли я знание сам, по реакции на этот вопрос. Если бы я знал, в чьей каюте тайник — я бы как-то отреагировал на формулировку «в одной из кают». Но я не знал. И отреагировал так, как должен был отреагировать незнающий — спокойно.

Иссан смотрел на меня. Смотрел дольше, чем после других ответов. Потом сделал ещё одну пометку.

— Капитан, ещё один вопрос. Вы заметили что-нибудь необычное в поведении кого-либо из экипажа в последние недели? Перед сегодняшним рейсом, во время рейса, при подходе к таможне?

— Нет.

— Ничего?

— Ничего. Все шестеро работали как обычно. Никто не показал ни беспокойства, ни странного поведения. Если кто-то из них знал, что готовится сегодня — он скрыл это идеально.

— Когда они узнали, что мы поднимаемся на борт?

— Одновременно с собой. Я объявил по внутренней связи, и в этот же момент весь свободный экипаж пошёл в кают-компанию.

— Реакции?

— Не наблюдал. Я был на мостике. Камеры внутренние работали, записи у вас, проверите.

— Записи у нас. Все трое вошли в кают-компанию спокойно. Никто не пытался куда-то уйти, никто не делал звонков, никто не уничтожал предметов. Сидели и ждали.

Я кивнул.

— Это интересный факт, — сказал иссан. — Если у кого-то из них есть тайник с поддельными документами, и этот человек, узнав о приближающемся досмотре, не пытается уничтожить улики — то либо он не понимает серьёзности ситуации, либо у него нет возможности добраться до тайника, либо он сознательно сделал выбор не сопротивляться. Какой вариант, по вашему мнению, наиболее вероятен.

Я сидел и думал. Иссан задал мне аналитический вопрос — не для того, чтобы получить ответ, а чтобы посмотреть, как я думаю.

— Я не знаю, — сказал я. — Я не знаю, кто это. Могу

сказать только в общем: люди, которые умеют долго жить под чужим именем, обычно не паникуют, когда приходят. Они принимают этот факт и либо сдаются, либо у них заранее есть план отхода.

— Почему вы так думаете?

— Потому что человек, который годами скрывается и не привлекает внимания — это не паникёр. Это человек, который умеет себя контролировать. Такие люди, когда приходят за ними, не убегают. Они решают проблемы по мере поступления.

Иссан смотрел на меня долго. Потом сказал:

— Вы хорошо описываете людей, капитан. Это редкий навык в вашей профессии.

Я не ответил.

Он сделал пометку. Закрыв планшет.

— Хорошо. На этом этап опроса по экипажу завершаем. У меня к вам ещё несколько общих вопросов, и потом мы закончим.

Общие вопросы заняли минут двадцать. Маршрут рейса, контакты с другими капитанами, история ваших работ за последний год, частота заходов на Эпитафный контур. Я отвечал. Иссан слушал, делал пометки.

Через два часа десять минут он сказал:

— Капитан Бранд. На этом я завершаю опрос. По результатам разговора с вами и с вашими людьми могу сказать следующее. Ваши ответы соответствуют ответам ваших людей.

Расхождений, которые потребовали бы дополнительной проверки в отношении вас, не выявлено. Большинство членов вашего экипажа также подтвердили свою непричастность к делу, по которому мы ведём расследование.

Я слушал.

— К вам и к большинству вашего экипажа претензий нет. К большинству. Не ко всем.

— Однако повторный досмотр вашего корабля ещё не завершён. Срок проверки — шесть часов с момента изъятия. К моменту вашего возвращения на корабль он будет либо завершён, либо приближён к завершению. Если в ходе проверки будут выявлены нарушения — мы вернёмся к этому разговору.

— Понял.

— Вы свободны до сигнала о возвращении на корабль. Зал ожидания — там, откуда вас привели. Просьба не покидать его и не вступать в разговоры с другими членами экипажа.

— Понял.

Он встал, потом — я.

Он кивнул мне и показал, что на этом все.

Я повернулся к двери и пошёл к выходу из допросной.

Дверь открылась передо мной автоматически — кто-то снаружи отпер её по сигналу иссана. За дверью стоял таможенник, тот же, что меня привёл. Он молча кивнул и пошёл вперёд по коридору, в сторону зала ожидания.

Я пошёл за ним.

В голове у меня было пусто. Я только что провёл два часа десять минут на допросе у иссана, который читал каждое моё движение. Я не сорвался. Я не выдал тайник. Я не выдал старика. Я ответил на все вопросы про пять человек экипажа однотонно и не выделил никого специально.

Но я знал — иссан тоже выходит из этой допросной с чем-то. Со своими выводами, которые он не озвучил. С пониманием, кого считает подозрительным больше остальных. С планом дальнейших действий, который мне не сообщили.

Я не знал, что будет дальше. Не знал, кто из моего экипажа не вернётся с этой станции. Не знал, найдут ли тайник на Тихом за оставшиеся шесть часов проверки.

Я шёл по узкому служебному коридору таможенной станции Эпитафного, и мои собственные шаги звучали в этом коридоре как чужие.

Через несколько секунд раздалась сирена.

Глава 14

Сирена ударила по коридору одной нотой — высокой, жёсткой, резкой. Этот звук вошёл в меня раньше, чем я успел понять. К первой ноте сирены почти сразу присоединилась вторая, ниже. Через секунду — третья, четвёртая. Сирена шла четырьмя голосами одновременно, это означало лишь одно — боевая тревога станции. Высший уровень.

Иссан, стоявший на охране периметра, поднес руку к наушнику в правом ухе. Лицо у него собралось в плотную маску. Я смотрел на него и видел, как он считывает сообщения, и как с каждой секундой эта маска становится тяжелее.

Где-то в глубине станции громыхнул гулкий удар. Не близко, но я почувствовал его через пол. Через две секунды — ещё один, ближе и сильнее. Свет над нами мигнул, погас на секунду, снова включился, мигнул снова. Поверх потолочных ламп зажглись синие полосы аварийного освещения, но они шли с задержкой — лампа загоралась, через несколько секунд гасла, потом следующая. Система не успевала за тем, что происходило. Красные точки индикаторов в углах коридора начали пульсировать в рваном ритме, потом ритм сбился, две точки погасли совсем, две другие пошли быстрым стробоскопом.

В моём наушнике эфир иссанов взорвался.

Го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.